

Сергей Радионов

Технология бессмертия

Часть 1. Книга, которая разрушила мир

Сергей Радионов
Технология бессмертия.
Часть 1. Книга, которая
разрушила мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793104
ISBN 9785448505591

Аннотация

Эта книга основана на Логике Выживания, при помощи которой я попытался объяснить цели авторов мегалитических построек в Баальбеке и Иерусалиме, Великого Потопа и Библии, сопоставив древним событиям задачи современности по выживанию человеческой цивилизации, ограниченной малым ресурсом выживания – планетой Земля.. А поскольку реконструировать те события не представляется возможным, я воспользовался доступным ресурсом – научной фантастикой, которая позволяет моделировать как минимум Логiku.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА	5
1. КНИГА	11
2. СТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ	20
3. НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ	27
4. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ	35
5. БААЛ	45
6. ФИЛОСОФ	51
7. ХУДОЙ ЧЕЛОВЕК. ДОБРО	56
8. ВСЯ ТЕРРА. ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР	60
9. БОГИ ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ	66
10. ЧТО ДЕЛАТЬ?	70
11. ГОЛОВИН. ТУПИК И УНЫНИЕ	79
12. ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ	82
13. СТРАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЛА	87
14. ДЕТИ	90
15. РАБОТА ХЕТТИ	100
16. УСПОКОЕНИЕ	103
17. НОЧНАЯ РАЗБОРКА	106
18. ИНСТРУКТАЖ ГОРИНА	108
19. ПЕРВЫЕ СОМНЕНИЯ	111
20. ВОСКРЕШЕНИЕ ГОЛОВИНА	119
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Технология бессмертия

Часть 1. Книга, которая разрушила мир

Сергей Радионов

© Сергей Радионов, 2017

ISBN 978-5-4485-0559-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Реальность фантастичней любой фантастики.

Величайшие события Земли: Великий Потоп, мегалитическое строительство зданий в Баальбеке, Египте и Иерусалиме и по всему миру, осуществленное неведомой цивилизацией, её таинственное исчезновение, возникновение из первобытного племени скотоводов и стремительное развитие еврейского народа и религий, с ним связанных, – и по сей день вдохновляют фантастов и толкователей.

Фантастика позволяет моделировать события как бы из-за грани возможного, используя ракурсы, которые в «достоверной» литературе не приняты. Ни в коей степени не считая себя писателем, я всё же решил изложить свой взгляд на зарождение и развитие всем известных событий, которые были описаны подробно и с разных сторон, но никто не сделал успешной попытки связать их в единое целое, чтобы *хотя бы логически* объяснить их смысл и причинно-следственную связь. Чтобы мировоззрение, получившееся в итоге, не пришлось затем латать и перелатывать, как ветхое лоскутное одеяло, новыми «красивыми и лучшими» лоскутками, которыми последующие историки перекрывают дыры предыдущих.

Официальные историки покрыли истину толстым сло-

ем тысячелетней лжи, перевирая правду под каждые новые власть и строй, и человечество уже не способно скрупулёзно восстановить её по реальным документам и артефактам. Но мы можем найти хотя бы некоторую правду и логику событий «по хлебным крошкам», которые самые честные из свидетелей истории нам оставляли, поскольку выдумать историю целиком им не давали их ещё живые отцы, которые видели события воочию. Каждый новый пласт истории, как кубик Рубика, смещался лишь на один поворот, совсем немного, но этого оказалось достаточно, чтобы поставить правду с ног на голову, и люди до сих пор блуждают в лабиринте неведения, который выстроили собственными ложью, корыстью и страхом.

Самый существенный сдвиг от Объективной Реальности произошёл *по причине сокрытия цивилизации*, построившей здания в Иерусалиме и Баальбеке из камней в полмиллиона и более килограммов. Никто на планете Земля не способен сегодня повторить того, что было доступно Строителям, хотя бы в единичном экземпляре, но такие сооружения были построены в сотнях, если не в тысячах разных мест по всей планете.

Историки, которые никогда не были людьми технического склада ума, «объяснили» события достаточно просто: чтобы камень в полмиллиона килограммов поднять и поставить во второй ряд фундамента, нужно всего-то 20000 человек – по 25 кг на каждого, – естественно, не озаботившись поду-

мать о том, как можно разместить «целый город людей» под одним камнем площадью 15х4 м и где взять столько людей в древнем мире, который был значительно менее населён, чем современный. Естественно, никто из этих горе-специалистов не стал заморачиваться и «мельчайшими деталями» – как подогнать этот камень к другому камню вплотную, если площадь соприкосновения 3х4 м, а нужно добиться притирки деталей, подобной флакону духов «Шанель №5» со стеклянной пробкой, не говоря уже о том, каким образом возможно вырезать такой большой камень из породы и передвинуть его за километры от карьера к стройке.

Мы стали заложниками неграмотных и заведомо лживых толкователей истории, которая укоренилась, как церковная догма, в умах атеистов и верующих. Официальная «научная» версия и тех, и других «о развитии» предполагала, что в самом начале человеческой цивилизации была человеческая дикость, а это значило – «Баальбека не было», и «без комментариев», иначе можно подорвать миллионы тонн псевдонаучных версий о возникновении нашей цивилизации и авторитет псевдовеликих мэтров.

Прозрения не произошло, потому что исследователи усердно, тщательно и вручную притирали историю под две полярных модели мира – теологическую, отрицающую очевидное существование материальной биологической цивилизации, и атеистическую, которая не желала видеть «духовных» или логических свойств человека, *необъяснимых без*

существования управляющей математики, умеющей искушать, вдохновлять, воздействовать совестью... Обе версии настаивали на «развитии и перспективе», а не на «выживании». И ни в одну из версий Баальбек не вписывался.

В части распутывания этого лабиринта я посчитал себя первопроходцем, основываясь лишь на *логике выживания*, которая безусловна, в отличие от домыслов, постулатов и сказок. Истина, как и обычно, нашлась посередине между крайностей. Я не использовал общепринятые наивные толкования текстов вроде «Бог взорвался гранатой», считая, что самое простое объяснение обычно и самое верное.

Древние толкования книги, убедившей часть мира в «божественном», были ограничены непониманием логических процессов, понять которые возможно современному человеку. Библия была написана в то время, когда никто из тех, кому она предназначалась, не знал об экстракорпоральном оплодотворении, роботах и программировании, о чипах, летательных аппаратах и подводных лодках, – она очень своевременно попала на нужную почву первобытного состояния человечества, отброшенного Потопом в дикость, и толковали её люди, которые иначе и не могли её истолковать.

На основе толкований возникли догмы, разрушить или усомниться в которых было чревато костром инквизиции или дыбой. Ветхие догмы усилились, получив невероятное могущество, и правят миром и по сей день, объясняя события Библии так же первобытно, как и тысячи лет назад, ста-

рательно вычёркивая Реальность из исторического процесса.

Третьей существенной ложью является *официальная русская история*, тщательно и многократно оболганная, переписанная и подчищенная последователями двух первых.

Ложь прижилась и сроднилась с людьми. Не стоит думать, что елейная наивность обманутых чем-то помогла им, – мир читающих Библию открытыми глазами воспринимал её как «инструкцию по выживанию», создавая технические приспособления, готовился и строил новый мир, на который упрямо не обращали внимания наивные, позволяющие манипулировать своим сознанием.

В итоге цивилизация людей уже сегодня технически способна «сотворить чудо», которое покажется дикарям из леса божественным проявлением. «Мир без Бога» сумел преобразить в жизнь чипы, наниты, цифровую связь и суперкомпьютеры – и готовится маркировать «божьих людей» в веру, отвергнуться от которой весьма непросто.

Но жизнь основана на логике выживания, как и всегда, и спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Жить в мире иллюзий выгодней лишь по одной причине – до поры спать легче, я же считаю, что *разбитые иллюзии дороже целых*. Моя книга предназначена для неортодоксальной аудитории, которая интересуется теологией, философией, логикой и историей и пытается получить мировоззрение, честно рассуждая и задавая вопросы, не боясь вопросами разрушить Истину, которая незыблема.

Людам ортодоксальным любой веры или убеждений она противопоказана, таким я настоятельно не рекомендую её читать, чтобы не повредить чего-нибудь... Я ни в коей степени не оспариваю Библию как религиозную книгу и не желаю навредить ни одной из религий, личное дело каждого, в кого или во что верить, но предпочитаю знание вместо веры, понимая, что истинное знание нам недоступно, как лягушкам в колодце недоступен Океан. В «своём колодце» мы наверняка сможем во многом разобраться, честно отвечая на поставленные вопросы. Я не оспариваю Библию и как историческую книгу и *книгу о выживании*, считая её достоверной, в отличие от её трактовок, но предлагаю свою версию описываемых событий, к которой прошу относиться как к научной фантастике, и никак иначе.

Я не претендую ни на какую достоверность фактов, которая для всех нас недостижимая роскошь. Желания оскорбить кого-то значимого для моего читателя у меня не было, если вы вдруг узнаете своего знакомого в моих героях, прошу не обижаться на кривое зеркало моей книги. Книга содержит в небольшом количестве нецензурные выражения, которые я применил там, где они свойственны ситуации.

С. Радионов

*Смеется старик —
мальчик строит из снега
зыбкие замки.*

1. КНИГА

– Ты должен понимать, что литература бывает убедительной и неубедительной, а мне нужен первый вид. Дай мне текст, которому можно поверить, я тебе всё рассказал, я тебе показал объём (говоривший показал двумя пальцами требуемую толщину книги), я описал тебе общую идею и структуру. Я тебе дал срок полгода и гарантировал, что ваша книга будет самой продаваемой в течение последующих тысячелетий, я обещал тебе распространителей и вселенский пиар, и финансирование, но вот что пишет один твой автор...

Здание, похожее на дом японского феодала, располагалось на горе со срезанной плоской вершиной, было остеклено светоотражающими стеклопакетами вверх на 10—12 метров от пола по мощной фахверковой конструкции из цельных брёвен, из него открывался вид на другие горы и долину. Литературный Цех из трёхсот человек писал в нём Книгу заказчику по имени Бел, который требовал соответствия задаче сухим жёстким голосом, вызывающим у слушающих его холодную потливость.

Бел выискивал в зале разумные лица, поочередно глядя на каждого из писателей, которые опускали глаза при приближении его взгляда. Он вспомнил, что его задача – творческого характера, и смягчился, улыбнувшись самой приятной из своих улыбок, отчего все вокруг стали смотреть на него

как на утреннее солнце и соответственно улыбаться.

Бел подошёл к электронной доске и стал рисовать формулы, которые ему нужно было реализовать в книге. Он рисовал рамки, обозначающие множества, внутри которых находились его элементы из объектов и необходимых действий с объектами, которые символически описывали смысл конкретной истории.

– Вы все плохие математики, но математика в чистом виде мне и не нужна, прикройте её литературой... Но важно, чтобы вы поняли мои простые логические схемы и не повторялись. Математика есть у любой истории... если вы когда-либо задумывались об этом... Нужны истории, которые расскажут жизнь племени, которое выживает внутри Общего Целого, имеющего ограниченный объём, начиная от рождения и заканчивая смертью.

Бел обвёл все рамки большим кругом и посмотрел на старательные лица писателей, очевидно не понимающих задачи.

– Вспомните множества и подмножества, потому что я не знаю, как ещё проще рассказать вам о вашем задании, разве что замыкать... Отчего вы полумёртвые такие? У вас хорошо оплачиваемая работа, есть конкретная задача, которую не нужно высасывать из пальца... Может, стоит вас разогнать и самому написать мою историю?.. Но тогда я стану писателем историй, как вы, а не тем, кто её творит... Я вам не предлагаю стать героями, но вы боитесь даже представить себе это. Чего стоит книга, если автор не готов на смерть ра-

ди неё? Боязливых и неверных я буду уничтожать сам.

От улыбки Бела не осталось и следа, последние фразы он произнёс чуть слышно в звенящей тишине зала, понимая, что группа не проживёт больше полугода в любом случае. Так требовала математика, которую он создавал *для Нового Мира, в который возьмут не каждого.*

Писатели показательно зашевелились, пытаясь наверстать упущенное. И уже обращаясь к руководителю группы, Бел добавил:

– Ежедневно сбрасывайте тексты мне на почту, и проверяйте их, чтобы не заставлять меня читать вашу тупую дурь, оставляю вам программистов и техников, которые разработали географическую привязку нашей истории, общую математику и перемещение племени по карте, которое меня устраивает, они же помогут вам разобраться и с множествами. Здесь я сам допустил промашку, нужно было начать с этого. Я оставляю вместо себя Горина. Не провожайте меня, все за работу, – закончил Бел и направился к вертолётной площадке.

– А что нам делать с тем, что мы писали до этого? – звонко спросила маленькая девушка в старомодных очках.

– Выбросить в мусорную корзину, – спокойно ответил Горин. – Всё пишем заново, с чистого листа.

Горин открыл файл, содержащий перечень историй с учётом распределения работ для каждого писателя.

– А почему мы не можем скопировать Старую Книгу? –

не унималась девушка. – Никто этого не понимает, все боятся писать от имени Бога, ведь есть все инструкции РА, нарушать которые запрещено?!

– Инструкции РА – Общая Теория, а мы создаём частную инструкцию для Нового Мира, которому нужны свои правила, привязанные к конкретным месту и времени, – ответил Горин. – *Творческие люди не имеют права копировать чужое творчество.* Я понимаю, насколько прошаблонены ваши мозги Ортодоксальной Философией, и как вы боитесь всего нового. Но мы пишем по заказу Верховного, с ним всё согласовано, вам нечего бояться. Бояться нужно не успеть в срок – это действительно реальная опасность.

Горин смотрел на писателей, которые были испуганы до полуобморочного состояния. Он понимал их отчасти – люди не могут не чувствовать подвоха при Смене Эпох, они боятся, что их не возьмут с собой, потому что сами бы себя не взяли.

– Если вам так страшно нарушить Закон Божий, то откройте пункт 671, который говорит о РА-з-витии, этим вы и занимаетесь. И бойтесь нарушить Закон Божий! РА спросит у каждого, что он сделал на своём РАбочем месте для развития, для РА-с-пространения РА. Я желаю вам честно ответить Ему и быть избранным, как обещалось всем добросовестным сотрудникам. Но не все и не каждый! СтаРАйтесь – и попадёте в РАй! Кто-то из вас успеет.

Проповедью Горин рассчитывал разделить единодушие

коллектива, блокирующее всех общим страхом. Судя по реакции аудитории, ему это удалось. Каждый из писателей вдруг понял, что минимальный шанс на спасение всё же есть. Единодушие распалось, он увидел естественную и привычную для него борьбу за выживание не связанных ничем элементов.

Люди засуетились, приставая к программистам и техникам с вопросами, возникла живая очередь. «Получилось!» – похвалил себя Горин.

Для подбора коллектива писателей тщательно отбирали из писательской массы Отечества. Критериями отбора были опыт, основанный на работах в иных отраслях, и некоторая оригинальность, которая была исключительным качеством в Ортодоксальные Тысячелетия, поэтому команду выбирали с многократным запасом. Но толку от этого стада кроликов было мало.

Техники установили посреди зала трёхмерный галогенный проектор местности, дающий каждому писателю возможность войти в программу-визуализатор и настроить время и место истории через митра-шлем. Горин сообщил группе:

– Вы сможете в любой момент увидеть количество людей племени, которое изменится, как только кто-то умрёт или родится. В базовом варианте вы уже представляете историю: рождение рода от мужчины и женщины, переселение их потомства в Страну Богов, жизнь и обучение там, выход

из Страны Богов в «свободное плавание» уже совсем другими людьми... Наденьте шлемы и прокрутите её за 15 минут.

Писатели надели шлемы и увидели движение маленьких человечков в виртуальной реальности.

– Вы видите толпу, – Горин вклинился в просмотр через свою Митру, – выделите из неё лица, наполните их действиями, смыслом, оживите их согласно вашим заданиям, представленным в картах. Каждому из вас время до конца дня, чтобы понять карты-задания, каждый из вас сбросит мне на почту отчёт о том, как он его понял, особо тупых я уволю завтра. Поверьте в себя, и поверьте мне – это совсем не сложно. Никакой отсебятины писать не надо, вы должны понять, что от любого расхождения с общим сценарием поменяется и вся последующая история. Поэтому... мы несколько изменим принципы вашей работы – кратенько пишем всем коллективом от начала и до «Страны Богов», обсуждая и внося коррективы. Никто не циклит на конкретном мясе, мы прорабатываем лишь скелет истории. Я объявляю конкурс на имя Отца и Матери Рода! Записывайте свои варианты в общий файл.

На экране огромного монитора стали появляться имена авторов и, напротив них, – имена двух персонажей. Горин уже знал имена Мужчины и Женщины, но требовал исполнить задание быстро, проверяя инициативность каждого.

После того как большинство писателей выдали свои варианты с именами и время затянулось, Горин приказал Руко-

водителю уволить 17 последних, которые ещё думали:

– Эти только утяжелят свои группы, замените их на резерв, или, ещё лучше, просто увольте, нам некогда заниматься новым трудоустройством. Каждая следующая история предполагает, что персонажу известны предыдущие, поскольку они передаются потомкам как святой жемчуг. Вы пишете и от себя, и от имени Бога, который следит за вами. – Горин показал рукой петлю, которую набросил на цех и отправил конец верёвки в Небо. Он поменял на ходу весь инструктаж Бела, понимая, что страхом не реализовать задачу. Его творческая натура никогда не подчинялась никаким прямым инструкциям, за это его и нанял Бел в качестве главного сотворца мира, который строил. Были объявлены имена победителей – мужчина Обрам и женщина Сарай, известные Горину изначально. Визуализация персонажей, скопированная из существующих людей, которые и должны были «победить», появилась на экране.

– Кто такие Обрам и Сарай, в чём их отличие от сотен и тысяч других семей? В чём их особая миссия? – спросил Горин у зала.

– Они создания и избранники Бога, – сообщила маленькая стройная девушка в очках, выступившая уже три раза.

– Хорошо. Вы, Гала, и берите руководство этой частью истории. Чтобы всё получилось правдоподобно, каждому из вас нужно вжиться в образы авторов-дикарей, от имени которых вы поведете повествование, для этого наблюдай-

те за дикарями несколько часов в день. – Горин включил экран, на котором возникло простое жилище скотовода. – Мы установили камеры в трёх сотнях жилищ, чтобы каждый из вас выбрал себе свой образ, просматривайте быт аборигенов, щёлкая каналы. Каждый из писателей должен выбрать «своего дикаря», чтобы затем представить себя им, – слушайте мелодию речи, копируйте повадки – вы должны «превратиться в этих людей» за неделю. Присваивайте себе номер «вашего» жилища и пишите его в общий файл, чтобы не путаться.

Авторы интенсивно переключали каналы, пытаясь вырвать для себя «лучшего из дикарей». Файл соответствия «писатель—Неаборигена» образовался значительно быстрее, чем на конкурсе имён. Горин уволил только 5 человек и ещё раз похвалил себя.

– Гала, прошу вас к завтрашнему вечеру подготовить скелет истории, чтобы загрузить плотной работой первые группы.

– Короче, господа! Нам нужна живая реальность, а не сказка про ёжиков. Обрам и Сарай – создания Бога, Его избранники, как и все их дети, внуки и правнуки, и на все века, а про людей из других народов вы просто не говорите этого, но и не настаивайте на обратном.

Горин напоследок улыбнулся Гале, приободряя её всем своим мужским естеством. Гала расцвела и немного смешной походкой пошла собирать инициативную группу из тех,

с кем уже подружилась.

«Неужели она мне понравилась?» – спросил себя Горин в вертолёте.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

Горин покинул писательский цех, чтобы переместиться на другой участок проекта. Мощный вертолёт после взлёта изменил конфигурацию, перестроившись на скоростной режим, и через полчаса Горин был на карьере горного Ливана, где нарезались тысячетонные камни для фундамента дворца будущего наместника Земли. Он надел шлем ещё на подлёте, чтобы не слышать звуки огромных пил, управляемых роботами, и через него связался с мастером участка:

– Володя, как работа, вы успеваете?

– Хрена там, – Горин услышал звенящий голос Трясорукова, который включился в шлеме и визуально.

– Ты где?

– В своей каморке.

– К вагончику, – скомандовал Горин пилоту. Вертолёт сел на площадке у вагончика, сделанного из двух морских контейнеров, в котором Трясоруков и жил, и руководил работами своей небольшой бригады.

Лучше него никто не управлялся с горным делом, поэтому выигрывать тендер ему не предстояло – его уговаривали в течение трёх месяцев для этих работ, а работы было валом: верхние бароны строили себе дворцы-дачи из камня во всех самых диких и прекрасных местах планеты, в надежде стать богами девственной цивилизации. В желающих купить элит-

ную недвижимость не было недостатка, поэтому Бел так возвысился среди верхних и смог получить максимальную поддержку в средствах и специалистах, в технике и технологиях.

Были построены несколько крупных производств для обеспечения строительных работ с тысячетонными мегалитами, способных производить оборудование и осуществлять его ремонт, изготавливать пилы, фрезы и другой инструмент. Ещё несколько крупных предприятий занимались сельским хозяйством, программированием, выращиванием клонов для руководства, генетикой, металлообработкой, производством оружия, робототехники, электроники, модульного жилья, энергетических устройств, систем связи и коммуникаций для КосмоСтроя... Земная цивилизация была уменьшенной копией Небесной.

Бел убедил руководство и дольщиков строить дворцы из камня, имея наметки собственного плана, который не раскрывал никому целиком.

– Боги должны поражать масштабом, – убеждал он сомневающихся в самом начале проекта. – Кто поверит вам, если построить современные здания? Но вам поверят, если мы осилим то, чего и сами ранее не делали, если мы построим невозможное даже нам.

Для осуществления плана Бела были выделены лучшие инженеры, которые запроектировали строительных роботов, способных вырезать, поднять и перенести камень до трёх миллионов килограммов, чего не осуществлялось ранее

в видимом мире по причине бессмысленности такой технологии. Но для покорения дикой планеты, населённой людьми, скатившимися до одичания, это имело весь смысл. Людей нужно было убедить в божественности управляющих элохим навсегда. Таков был первоначальный план, завершение которого готовилось к прибытию Провидца и ревизоров, как только откроется Проход. Бел ещё не до конца понимал, почему ему лично так важны огромные камни строений, но слышал голоса в своей голове, которые настойчиво внушали ему эту мысль. Бел приписывал эти голоса Богу – и хотел этому верить.

– Ты ведь в курсе, что срок не будет продлён? – спросил Горин.

– В курсе, в курсе, – лукаво ответил Трясоруков, – а ты в курсе, что мне не успевают поставлять пилы, и что они тупятся?

Горин понимал, что сроки нереальны, как и то, что и некоторое неуспевание к сроку не будет фатальным, но знал, что если не успеет Трясоруков, то не успеет никто.

– Да, я знаю, – ответил Горин, глядя, как укладывается во второй ряд фундамента только что вырезанный камень размером с туристический автобус. – Десять новых пил прибудут завтра. Ещё десять – через неделю, немцы успеют, так что и ты тут сам поднажми.

– Сэт, напхни про двигатель, – подсказал один из рабочих, отдыхающий тут же на лавке.

– Да, Гор, сегодня сторел главный двигатель одного из шести роботов при подъёме самого большого нашего камня, почти две тысячи тонн, это когда поправлять? – спросил Трясоруков.

– Когда рак свистнет, обходись пока тем, что есть, – ответил Горин, – и это твоя вина, что ты не рассчитал силу трения, превысив номинальные возможности техники. И решай её сам и за свои деньги.

Трясоруков не ответил, насупившись.

– Покажи-ка мне свою работу, Володь, я ведь ни разу целиком не видел её, – попросил Горин миролюбиво.

– Вот так мы относимся к другу! – съехидничал Трясоруков и повёл Горина к площадке на возвышенности, с которой велось управление работами.

Внизу как на ладони был виден плоский карьер 500—700 метров длиной и шириной, разделенный ровной линией, которая разбивала плоскость на две плоскости, одна из которых была ниже другой метра на 3—4. Плоскость, которая была выше, была нарезана решёткой из параллельных линий по оси ОХ (через 10—15 метров) и по оси ОУ (через 3—4 метра), – так оценил сверху Горин, видевший математику в любом процессе. На линии реза (ОХ) стоял робот, похожий на многоножку. Сбоку многоножки располагался пыльный диск диаметром 10—12 метров.

Сэт с пульта запустил робота, пила набрала обороты и врезалась горизонтально в породу. Робот покатился на колёсах,

отрезав линию за 10—15 минут, и выдал нарезанный на куски 15х4х3 метра «брусок» общим размером около 500х4х3 метра, как вычислил Горин со своей позиции.

– Круто, я видел нечто подобное при распуске брёвен на бруски. Если отбросить масштаб, то технология очень похожа. Всё время хотел узнать, почему диск живёт так долго, особый сплав?

– В охлаждающую жидкость подаются наниты, – ответил Трясоруков.

– А как осуществляется перенос?

– Давай я включу Василия.

Сэт включил другого робота, который был подобным первому, но без пилы и с гнущимися шарнирными ногами, похожими на человеческие. Робот подошёл к камню размером около 3х4х15 метров и, зацепив его гидравлическим захватом, поднял к самому верху, под своё плоское «брюхо», фиксируя его снизу и по бокам выдвижными гидрозажимами.

Робот плавно переместился по неровному горному рельефу к стройке, где нужно – выдвигая ноги, а где нужно – укорачивая их гидравлическими приводами, встроенными в каждую «голень». Закреплённый камень не терял своего горизонтального положения. Движение было равномерным на протяжении всего участка, без ускорений и торможений, робот установил «кирпич» во второй ряд фундамента без малейшего зазора с ранее стоящими, подталкивая его вибротолкачами, похожими на руки.

– А как ты исключашь зазоры? – спросил Горин.

– О-о-о, это моя примочка, инженеры долго думали, а я подсказал, – засиял Трясоруков, – ты не увидел процесса, потому что «вид сзади», спереди по торцу работает фрезер, подгоняя этот камень к предыдущему на основании данных сканирования. Микронной точности добиваемся только там, где зазор виден, для невидимой части проходим достаточно грубо, чтобы успеть отработать, пока камень в пути. Горизонтальные участки не фрезеруем, поскольку и так присядет от веса, и пила работает достаточно точно.

– Я понимаю, тут всё автоматически, ты только включаешь и выключаешь? – утвердительно спросил Горин.

– Да, именно так, есть проект здания, привязка к местности карьера и стройки, сканер-дрон ежедневно повторяет работу на случай смещений рельефа и вносит их в компьютер. Есть план монтажа и план нарезки, всё синхронизировано. Весь комплекс – это программа. Я вмещаюсь в процесс, лишь когда что-то выходит из строя. Технология, собственно, детская, не считая размеров, которые, как ты сам понимаешь, нас не пугают. У меня лет в пять-семь был подобный конструктор, который программировался так же, только кубики были поменьше.

– И за что тебе платят зарплату? – поинтересовался Горин.

– Я клацаю кнопки, – обиделся Сэт.

– Покажи мне поломанного робота, – попросил Горин.

Сэт показал на выключенного робота, который «лежал пу-

зом» на камне, который уронил.

– Федот провинился, сволочь, гад! – возмутился Сэт.

– Покажи мне, как ты обнаружил причину поломки. Сэт настроил пульт на Федота, указал в меню – «Alarm», и Горин увидел мигающую красным картинку двигателя.

Горин соединился с пультом Сэта через Митру.

– Покажи точную причину поломки.

Митра указала на оборванный шланг гидравлики.

– Ты, скот, решил срубить бабла немеряно?

– Грешен, каюсь, – подтвердил Сэт с нагловатой усмешкой, – но ты же не сдашь друга Белу? Сумму можем располомать.

– А меня ты решил по-дружески подставить? Тебя я не сдам, но и покрывать твоё воровство не буду – скажу, что ты сам разобрался с поломкой, – Горин серьёзно смотрел на Сэта, который нагло кривлялся в своей обычной манере, понимая, что незаменим, и не боялся ничего и никого.

– Пойдём-ка лучше в «Утеху», друг, – предложил Сэт мироительно.

3. НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ

Игла проигрывателя отскочила, закончив читать виниловую пластинку. Время переместилось на другую дорожку. Программист Серж Зольдатов, удивительным образом похожий на Эхнатона, олицетворявшего последнюю фигуру РА, Всемилосердного Бога Творца цивилизации, которую все мы знаем, – с Луной, автомобилями и электрическими столбами. Серж Зольдатов, программист, только что закончил Институт Торговой Кооперации в Энске Российской Федерации, почти научившись к выпускному курсу давать взятки преподавателям без посредников, к чему он старательно шёл четыре года, изо всех сил пытаюсь сэкономить средства, которые зарабатывал на мелких торговых операциях, чтобы оплатить своё обучение.

Зольдатов настраивал свой высокочастотный ум перед собеседованием, слушая рондо каприччиозо Сен-Санса. Три месяца он искал работу, получая отказы из-за недостаточной квалификации, и вот наконец увидел весьма странное примагнитившее его объявление в «Моей Рекламе»: «Требуется программист для написания несложной программы». Несложную программу Серж мог написать.

Зольдатов, очень похожий на Эхнатона лицом, был низкоросл, и из-за детской болезни ходил слегка припрыгивая, чем неслыханно веселил мальчишек, злобных малень-

ких монстров. Именно этой оптимистичной походкой он зашёл в небольшой кабинет строящегося завода итальянских стиральных машин «Канди», где в активной фазе шёл набор кадров к бизнесмену Головину, убедившему власти Энска наряду с итальянцами из «Канди», что завод, производящий одноимённые стиральные машины, должен быть не где-нибудь во Вселенной, а именно тут, на благословлённой Богом энской земле.

Однако почти безотказная формула «Запад нам поможет» на днях дала сбой, итальянские партнёры отказались от дальнейшего сотрудничества, но половина и один процент завода уже построено, и для Алекса Головина, не знавшего преград в подлунном мире, возникла новая задача – вырвать, украсть или купить 49 недостающих процентов зданий и сооружений + новый смысл их использования. Новый смысл возник мгновенно.

Ещё не успев полностью прочитать отказное письмо, Головин знал – *его* завод будет производить цыплят, кур, мясо птицы. Если не цыплят, то шлакоблоки или пластиковые окна, строительный бум скоро будет на взлёте, шёл 7-й год перестройки. Головину для завоевания этого перспективного рынка срочно понадобились новые кадры («Родина-мать зовёт!» – так представлял он свою благородную капиталистическую миссию).

Недолго огорчаясь, с лицом, исполненным грусти, Головин уволил всю предыдущую команду, сообщив об отказе

«Канди» сотрудничать, оставил лишь длинноногую секретаршу, убедившую его по бартеру на молодое упругое тело. Она же пригласила Зольдатов к Головину в небольшой кабинет, символизирующий скромность и деловитость руководителя. Серж вошёл, протиснувшись между наваленных пачек документов с логотипом «Candy».

– Добрый день! – радушно констатировал Головин. – Как я понял, вы программист, нам очень нужны программисты. Десять тысяч рублей в месяц, мы будем писать программу управления производством, которая заменит нам всех управленцев, которые не умеют управлять. – Головин был очень доволен своим экспромтом, экспромт давал ему жизнь, экспромт никогда не подводил, Головин чувствовал момент, отпуская паруса по ветру, он предоставлял всё воле богов, за что был невероятно любим последними. – Мы напишем такую программу, Сергей?

– Конечно, я когда-то уже писал подобную, работая в оконной фирме, – соврал Зольдатов, а Головин и в этом вранье узрел знак и волю богов, перенаправивших его выбор от «мяса птицы» к «оконному пластику».

– Тогда впредь, мы будем делать пластиковые окна, лучшие на планете, мы будем подчинять этот мир себе! Подойдите к моей секретарше, она вас примет на работу, а завтра, я надеюсь, вы мне что-нибудь да предоставите.

После ухода нанятого кадра Алекс Головин посмотрел в каталогах оборудование по производству окон, недолго ду-

мая, заказал и оплатил его, благо «стоило оно копейки», а кредитную линию «Промстройбанк» ещё не успел ему закрыть, поскольку не знал об отказе «Канди». Параллельно Алекс создал накладную, по которой передавал это ещё не полученное оборудование своей подставной фирме. Здания и сооружения ушли туда же «за долги „Канди“», завод мгновенно переименовался в «Канди-Доз» – Алекс был действительно любимцем богов.

Там, где человека пристрелили бы не задумываясь, Головину «ломали руку», потом обещали её поломать, а потом забывали об этом. Там, где другому была бы гарантированная отсидка лет в 17, Головину давали 3,5 года... условно... с амнистией... без штрафов. Итогом всех его «наказаний» был ноль.

Наоборот, те, кто пытался напасть на Головина, наказать его или обмануть, страдали десятикратно. Так, ещё в школе, один наехавший на него шестнадцатилетний авторитет выпал с балкона четвёртого этажа через четыре часа после наезда... Случаев не перечесать, и они избаловали Головина чувством безнаказанности.

Объяснялось это не очень сложно. Головин очень редко принадлежал самому себе, 2/3 части его головного мозга занимали боги, которые резвились в его теле, сколько бы ни пожелали, параллельно создавая для Головина «крышу».

В настоящий момент Головиным полностью завладела команда Баала, отжав его у команды противников в преферанс.

Баал хотел развития Головина, он никак не мог отвыкнуть от дел, которыми занимался при жизни человеком, – строил, созидал, творил, когда обленившимся остальным богам Земли была интересна лишь сама Игра.

Поэтому Головину периодически «везло», а периодически «не везло» – так случалось, когда выигрывала команда, играющая против Баала, но и в этом случае боги благоволили к Головину, используя его по иным правилам.

При всём при том участники игры заботились о Головине не больше, чем футболисты заботятся о мяче. Боги интересовались Головиным, потому что он был дальней генетической роднёй одного из них и на него делали ставки.

Головин позвал длинноногую секретаршу. «Активы нужно переписывать, придётся довериться», – глубокомысленно подумал он, раздевая её. – Я перепишу завод на тебя, ты ведь не подведёшь меня, – прошептал он ей на ухо нежно.

– Ну что ты, – так же нежно шепнула Эрида Ершова, заёрзав от предчувствия удовольствия всем телом. Она была фригидной, секс для неё был вроде натягивания колготок, удовольствие было в логике поглощения. Мысль Эриды была тут же считана, и Сверху ей преподнесли ради Головина неожиданный подарок, врубив чувствительность Ершовой в области таза на максимум, вбросив ей в кровь все гормоны, на которые она обычно была жадновата. Эрида не шутейно завелась. Этот секс был очень страстным и для Головина, периодически страдавшего импотенцией.

Ершова, распластавшись грудью по столу, увидела маленькое зеркальце, и, дотянувшись до него длинной рукой, весь недолгий сеанс смотрела на себя, репетируя «красивую страсть» и издавая соответственные ей «красивые звуки».

Профессор Гоогельштейн

В это же время профессор Гоогельштейн, похожий статью на птицу-секретаря, пра... пра... правнук известного уже всей Вселенной Авраама, заканчивал как всегда невероятно интересную лекцию по археологии Древнего Египта ответом на вопрос студента по фантастическому фильму о борьбе машин с людьми: цивилизации незачем убивать людей, они ими пользуются... ещё вопросы. Тоненькая девушка, похожая на точёную египетскую ложку, тихим голосом спросила:

– Каким образом ваши предки резали и перекладывали камни весом в миллион килограммов, а учёные....

Девушка не успела закончить фразу, как взлохмаченный седовласый профессор, гневно жестикулируя, уже поднимался к ней, возмущённо выкрикивая и картавя пронзительным птичьим голосом:

– «Учёные» будут ломать головы, но в итоге придумают хрень, которой бы их самих накормить для вразумления, но увы, обычно учёным всё сходит с рук, им даже платят за их фантазии! «Учёные» всего мира договорились и решили, что камни в миллион килограммов обрабатывали в ка-

рьере, перемещали к строительной площадке и укладывали так, что лезвие бритвы нельзя и по прошествии тысяч лет воткнуть меж тех камней... что это делали наши первобытные полудикие предки, киянками и кайлом... ха, 15 миллиардов, ха! Нужно бы заставить учёных, которые это утверждают, собрать команду из миллиона своих сторонников (а их ведь много больше!) – копателей, музейных, сидячих, учащих этой ненасытной безумной фантастике в школах и ВУЗах, и попросить всего-то 5—6 камней по миллиону килограммов нарезать, перенести... и соединить кайлом... вышеуказанным способом... без зазоров.

Слова «киянки» и «кайло» вдруг показались Гоогельштейну неприличными, он покраснел, но продолжил двигаться, выкрикивая:

– Платить им нужно будет по факту сделанной работы! В этом был бы огромный смысл. Планета Земля смогла бы сэкономить много денег, ибо никогда... и ни одному из них... а кроме того... по сути бессмысленным людям... представился бы случай заняться хоть каким-то делом...

Девушка, к которой угрожающим и малопонятным образом приближался профессор, побледнела, слегка покачиваясь на высоких каблуках, как кобра перед прыжком, и всей аудитории на мгновение передался порождённый несоответствием ситуации и привычному здравому смыслу холод, который не чувствовал пока только профессор. Время замерло. Подлетев к девушке, Гоогельштейн вдруг осознал всю

трагикомичность ситуации – что-то не так с этим вопросом, и с этой девушкой что-то не так...

Он посмотрел в её длинные и совершенно спокойные египетские глаза, чётко обведённые тушью, и что-то неведомое вдруг открылось ему. Прозвенел звонок. Ситуация мгновенно разрядилась, студенты как ни в чём не бывало зашевелились, собирая вещи. Странное мгновение словно бы тут же забылось. Но только не для профессора и не для девушки, которая передала ему послание богов. Послание как гвоздь влетело в голову профессора, как огромный метеорит, пробивший атмосферу. Послание состояло из одного только слова. И это слово было – «пора», считанное профессором философии Гоогельштейном, не понаслышке знакомым с Египтом, как «по-РА», вдруг понятное полностью и одновременно загадочное и ёмкое, как Вселенная. Профессор странно улыбнулся, кивнул головой и объявил окончание пары. «Ко-РА-н», «То-РА», «Са-РА», «Аб-РА-м», «РА-й», «РА-win»... – закрутилась в голове у профессора странная нечеловеческая Логика, придавив его к стулу. Он сел и, не обращая внимания на уходящих студентов, стал записывать длинный перечень слов с корнем «РА», как инструкцию, удивляясь, что большинство из этих слов – русские.

4. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ

В годовщину колонизации Терры под заунывное завывание дудки змеелова два приятеля покуривали табак, доставленный кораблём с 38 участка. Зелёный алкогольный напиток, налитый в стеклянный кривоватый сосуд, смиренно ожидал приговора. Вся обстановка «Утехи» из деревьев большого размера, неизвестно кем сложенных в простые конструкции, где геометрия не имела никакого смысла, была любима обоими. Змеелов убеждал змею извиваться личным примером, вздрагивало пламя светильников, дребезжали деревянные колокольчики, шторы шелестели от лёгкого влажного ветра, покачивались узкие бёдра танцовщицы, – и всё это расслабляло привыкших к строгой дисциплине друзей.

Приятели выбрались на окраину цивилизации, в опасную буферную зону, за пределами которой находиться было ещё опасней из-за воинственных диких племён и очень хищных зверей, которых не слишком обдуманно развели генетики в очень далёком прошлом, когда люди были ещё сильнее и опасней созданных ими тварей. Всё было очень просто и естественно тут, все было таким непохожим на ускоренно деградирующий мир, из которого они были родом, но эта простота и манила их сюда.

Здесь можно было получить все удовольствия, от которых Цивилизация отвыкала тысячелетиями и до которых бы-

ла всё так же безумно охоча, жадно желая того, чем дикари владели в избытке, – простых отношений, грубого секса, выпивки, охоты и кровавых разборок. Всё это было запрещено Высшим Законом, но и без закона на такую жизнь у большинства цивилизованных не хватило бы сейчас духа. Всё, чего ожидали Верховные от этой планеты, у приятелей уже было. Маленький горный мастер что-то страстно говорил в ухо гиганту-программисту, состоящему из одних мускулов. Бог пошутил с ними, распределяя тела и профессии. Но в техногенные времена ни сила, ни её отсутствие не являлись ключевым фактором для выживания. Малыш Сэт уверенно управлял всеми роботами планеты, а мускулы Горина не мешали ему быть умнейшим из команды Бела. Бригада Сэта получила подряд на строительные работы на Терре, потому что не было лучшего специалиста в строительной отрасли, чем маленький Сэт, или Бугор – так своего бригадира называли подчинённые, и он не показывал, что обижается. Возможно, он и не обижался.

– Всё смутно, нас не отпускают домой уже три рабочих цикла, желающих на вахту не находится, оплата труда низкая, и её не на что тут потратить, требования бека выше с каждым днём. Фактически мы работаем за обещания, и похоже, что шефа устроит, если мы сгинем здесь по-тихому. На этой планете девственные горы с нетронутыми каменоломнями, люди, брошенные прошлой экспедицией, расплодились и одичали – и почитают бека Баала и его окружение

за богов или типа того. Похоже, он хочет окопаться здесь, бросив Отечество и Отца Народов!

Сэт продолжал крошить общеизвестную правду-матку:

– Похоже, что ради этого он желает сгноить нас на каторжных работах, а пребывающим в дикости отцам и братьям нашим, забытым и оставленным сотни Циклов назад, преподнести себя как Действительного Бога, чёрт пятнистый...

– Ты говоришь очень смелые речи, – передразнивая Сэта, высоким голосом крикнул Горин.

Страстная речь приятеля очевидно была следствием его «финансовых убытков» и их раскрытия. Сэт никогда не жаловался раньше, а про его космическую зарплату Горин знал не понаслышке. Несколько человек в кафе полуобернулись, Сэт резко ударил Горина кулаком в живот, отчего тот лишь удивленно взглянул на друга. А опасаться было чего! Опасались все и каждый.

Горин не ответил другу, понимая его правоту: он сам руководил Главным Отделом СПасения От Деградации (ГОСПОД) местного уровня, и его нахождение здесь было неуместно. Эмблема в виде трилистника красовалась на рукаве его одежды. Эта эмблема делала Горина равным Цивилизации, равным Баалу, воплощением Баала в глазах дикарей, которым не разрешалось поднимать взор на ГОСПОД.

Обращение «ГОСПОДЬ», сменившее ранее принятые обращения к Представителям Цивилизации, было установлено Законом Божьим на всех территориях колонии – от Альфы

до Омеги. Иное отношение каралось смертью на месте. Закон работал хорошо.

Работникам РА было запрещено душевное общение, но Горин и Сэт почувствовали симпатию друг к другу очень давно. Кроме того, что они одинаково интересовались женщинами, а не мужчинами, оба были остры умом, желая всё знать, потому что хотели выжить и быть наверху жизни.

Поэтому они встречались так часто, как это было возможно, сбегая в буферную зону, меняя места с известным только Горину алгоритмом, привлекая как можно меньше внимания.

Общение друг с другом происходило у них после пары часов с проститутками, с которыми у маленького Сэта всегда складывались тёплые отношения. И сейчас он обнимал бедро невысокой танцовщицы, которая мурлыкала ему в ухо загадочные слова на кошачьем языке аборигенов. Горин забывал о женщине сразу же после сеанса и предавался общению с другом нераздельно. Он был ещё очень молод и нуждался в друге-наставнике, а Сэт в свои годы был хитрым как змей, выпутываясь из сложных ситуаций, создавая таковые другим. Глядя на происходящее, он очень давно задумал свой хитроумный план личного выживания, и Горин был ему полезен.

Любопытство всегда слабее страха

Во времена создания биологического мира боги заложили возможность смотреть за ним, как только появилась бета-верс. Горин, в отличие от Сэта, знал о следящей функции глаза любого биологического существа, начиная с версии бета, как ведущий программист 11 уровня с максимальной степенью допуска минус один. Глаз любого бета-верс использовался как камера видеонаблюдения. Горин знал и о непрерывной записи этого наблюдения на ЦП земного уровня, потому что был главным программистом Земли. Неподконтрольный даже Белу отдел ГБ (ГОСПОД Безопасность) занимался просмотром всего, что смотрят, непрерывно, через ему подведомственную структуру ПРАВИ, переправляя «особые данные» через портал в Отечество раз в сутки.

Но Горин был программистом, в отличие от наблюдателей, от любого сотрудника ПРАВИ (ПРОсмотр и Анализ Визуальной Информации), поэтому установить программу, блокирующую информацию, которую он хотел скрыть от Начал, ему было несложно. Приблизительно полтора месяца назад связь с Отечеством прекратилась по астрономическим причинам, вследствие чего Горину стало несколько проще, но до этого момента нужно было выверять свои действия настолько точно, чтобы не попасться на преступлении, которое каралось Преподобными смертью и называлось «ложь перед Истиной».

Только Горин мог организовать Сэту походы по девочкам, перенаправляя глаза окружения в сторону от них. Ни-

кто не смотрел на приятелей, когда они были вместе, чтобы не нарушить правдоподобность происходящего и не передать отделу ГБ их настоящее местонахождение.

Сотрудники ГБ в это время видели на своих экранах, как Сэт и Горин «мирно спали у себя в спальнях», что было вполне логично после длинного трудового дня, а их проститутки обслуживали клиентов с другими лицами, что также вполне соответствовало их природе.

Сэт, как и другие умные люди, догадывался, что ничего хорошего от прямого стороннего взгляда не случается. Вежливые люди никогда не смотрят в глаза, как и вежливые животные, а за слишком смелый взгляд можно и получить в глаз. Сэт чувствовал механизм нутром, понимая, что лучше не гневить Начала и Власти плохим прилюдным поведением, ибо наказание приходит незамедлительно как КаРА бога РА. Не так давно в Отечестве, как бы случайно, дотла сгорело кафе «Хромой Ишак», и с ним 547 отдыхающих. Затонул огромный прогулочный корабль «Чёрная Дыра», когда на палубе возбуждённо танцевали влиятельные пассажиры. После этих событий и на местном террианском уровне был установлен запрет на коллективные удовольствия, распространяющийся на всех колонистов. Сэт не понимал, почему никто не смотрит на них, не подозревая, что Горин создал программный Запрет, глушивший человеческие желания повернуть шеи людей в их сторону, который создавал импульс, порождающий страх. И чем ближе было прибли-

жение «объектива глаза» к Горину или Сэту, тем страшнее казалось людям смотреть на них. *Любопытство всегда оказывалось слабее страха*, за всё время никто из присутствующих не посмотрел на наших друзей прямо.

Сэт подметил страх, с которым люди избегают смотреть на Гора, ошибочно приписав его мощной фигуре друга, но ответить себе на вопрос, почему и на него никогда не смотрят, – так и не смог, объяснив это «сильной личной магией», которая была рекламируемым брендом последних тысячелетий. Горин знал, что никакой магии не существует, есть только технологии. Наивность Сэта не была оригинальной, только 24 Посвященных знали о функции глаза, но у обычных людей не возникало дисгармонии: видя боковым зрением фигуру Горина, они боялись его. Им самим, и со стороны, это казалось вполне естественным – бояться огромного человека.

Горин взломал «Правь», зашифрованную и закрытую, как «чёрный ящик», и мог удалить любую информацию из него или заменить её своей в режиме потока, чем всюю пользовался – и на чем и поднялся в иерархии Баала, которому также нужно было прятать множество данных, скрывая их от Преподобных. Горин стал главным доверенным лицом Баала, знающим почти все его секреты, но у них обоих и не было иного выхода – Баалу нужно было скрывать свою информацию от Верховного, а Горину нужна была эта работа – и личное выживание, с ней связанное. Бел ничего не пони-

мал в программировании, хотя был великим математиком, а Горин знал все программные тайны на этой планете. Без него Баал не смог бы сохранять свои интересы как приложение Галактического Руководства, а он желал большего. И Горин, как у него ни чесался язык, не мог всё рассказывать Сэту, и тот был в значительном неведении по многим вопросам.

Хотя некоторыми безобидными знаниями Горин всё же делился, отчасти из-за того, что сам не мог интерпретировать происходящее и искал от умного друга подсказки.

– Ну а у тебя что нового? – спросил Сэт после того, как внимание отдыхающих вернулось к потреблению спиртного.

– Мы с Хетти создали маленький кровяной анализатор («камар»), скоро познакомишься, подобные же твари будут изготовлены для анализа кала и предназначены всем – и нам, и дикарям; очень мучительная хрень, – гордо сообщил Горин, – я назвал её «мухак». Пришла разнарядка создать яды, которые активизируются от определённого типа поведения.

– Чёртов импотент хочет ввести ограничения на все человеческие радости, – ругнулся Сэт.

– Там, наверху, любят всё самое странное, – равнодушно ответил Горин, – и активно приручают к этой своей любви остальную Вселенную; социальный заказ, с этим невозможно бороться.

– Что ещё?

– Мы пишем Книгу, смысл которой я не совсем понимаю,

она предназначена для развития дикарей, состав группы триста человек. Кроме того, организован Тайный Отдел Религий (ТОР), туда набирают программистов, похоже на руку Геры. Цели и задачи пока не совсем ясны, но у меня увели трёх отличных парней, и после этого я их не встречал... вероятно отдел будет закрытым даже от меня. Бел хитёр как лис и умеет ставить задачи, которые накрывают каждого, – Горин поймал залезшего на стол скорпиона стеклянным стаканом, иллюстрируя свою мысль.

– Это главная новость! Попытайся пронюхать, где их держат и каковы цели, – встрепнулся Сэт. – Попытайся сам туда влезть, если не выйдет иначе.

– Я уже думал об этом, но на меня у руководства другие планы, я слишком нужен Белу в другом, – ответил Горин, – информацию по ТОР, я уверен, получить удастся, если не слишком спешить. Как ни крути, я главный программист этой планеты, и за советом обратиться ближе не к кому, – Горин гордо шевельнул мускулатурой, – кроме того, она нас не затрагивает.

– Всё, что связано с религией, со временем становится главной новостью и «затрагивает», а жопу подставлять всякой фигне не в наших мужских интересах! – отрезал Сэт.

Горин вспомнил про отмазку:

– Что мне доложить Белу как твой подвиг?

– Я нарезал десять камней более 1500 тонн весом каждый, – с профессиональной гордостью сообщил Сэт, – неуём-

ный бек требует всё больше и больше, хочет поразить Провидца, который, как говорят, прилетает с проверкой. Из-за этого и случилась поломка, камень пришлось резать индивидуально, а всё индивидуальное сложнее на порядки, ты знаешь. Все камни во Славу Сущего, но подозреваю, что бек спит и думает, как бы кинуть Его, спалив все Мосты... На его месте я бы поступил так же – быть богом этой планеты лучше, чем подчиняться Правителю Галактики в ином месте, и женщины тут жуть как хороши... ты всё же подумай о деньгах за ремонт.

Сэт нагнулся и поцеловал в губы шоколадную красавицу, на что та издала непередаваемое мурлыканье. «И за что они его любят? – подумал Горин, – маленький, худой, невзрачный, и хрен у него, поди, такой же тонкий и мелкий, вот и пойми этих женщин...»

– Мы уходим, – сообщил Горин на местном наречии, оставив монету хозяину заведения, который потупил взор, усердно кланяясь им. Горин вычислил по повторам речи, что Сэт пробивает его насчёт основных планов Бела, но решил – благоразумнее промолчать, ведь Сэт ему не сказал ничего.

5. БААЛ

Бек Баал был первым, кому Терра поддалась. Непроходимые джунгли и леса с деревьями высотой под сотню метров, вооружённые ядами и луками воины, дикие звери, расплодившиеся от первой экспедиции, были существенным препятствием для последующих покорителей планеты. Земля была плотно засеяна, и всходы были значительны, но никто не занимался прополкой тысячи и тысячи лет, пока Цивилизация не пришла к ветхости и тлену. Тогда на прополку Питомника выслали несколько экспедиций, которые не справились.

Последней из них руководил Бел. Он повысил добычу руды, подняв свой авторитет, и заручился согласием Верховного строить величественные здания по всей планете, получив такое финансирование от желающих выжить баронов, которому могла бы позавидовать целая система полуживых миров. Двадцать шесть лет титанической работы ушло на обустройство этой планеты, погрязшей в варварстве и дикости, забывшей Цивилизацию, свои корни, тысячами лет без инструментов, в рукопашной борьбе с животными, которых развели их предки. Но дикие люди получились невероятно красивыми, живучими и живыми, что разительно отличало их от рыхлой мягкотелости цивилизованных бета-верс, развращённых технологиями и знаниями, полученными ими

от альфа.

Баалу здесь понравилось, дикари и звери, в общем безобидные, за три года были сломлены его мощной волей. Ещё за пять лет он заполучил лучших программистов, горных рабочих, биологов и генетиков, инженеров и техников, покупая и соблазняя немыслимыми удовольствиями и невероятными перспективами.

Он получил дополнительное финансирование, поставляя через Врата обработанный камень для статуй Действующему Богу, а взамен утилизировал памятники прошлым богам, находя им строительное или декоративное применение, он добывал и обрабатывал драгоценные металлы и алмазы, которых тут было немерено.

Он привёз на планету цивилизацию, не менее 300 тысяч специалистов. Некогда тюремный надсмотрщик, затем начальник тюрьмы, затем шеф тюремных заведений, Баал, имея острый ум реалиста, всю им пользовался, скрупулёзно изучал каждого заключённого, отжимая всё, что можно было получить от каждого, и ни разу не вызвал Верховный Гнев. Он умел получить не только в деньгах, но и в знаниях и умениях, в нужных связях, в действиях, которые возможно подтолкнуть на воле, если ты владеешь человеком в тюрьме, через его родственников и друзей. Бел действовал без насилия, применяя математические методы, находя тем, кого отжимал, равноценные и даже большие выгоды, чем заслужил уважение и заключённых, и своего начальства. Бел осваивал

свою высшую математику в тюрьме.

Колонисты Терры были собраны наполовину из бывших эков, этот сброд значительно больше походил на террианцев, чем на галактических техногенных полумертвецов. Баал почувствовал тёплое родство этой планеты, то настоящее Отечество, которое люди очень давно потеряли, пользуясь приспособлениями и механизмами, программами и роботами, соединяясь с механизмами, внедряя их в свои тела, модифицируя тела ради продления жизни и бесчисленных сексуальных экспериментов, извращающих любую породу.

В команде Бела все были почти натуральными, дикими, все были опасны, как режущие приборы, которыми расчищали планету, и только длительный опыт сотрудничества с такими людьми продлевал Баалу каждый новый день. Он умел находить среднее арифметическое в любой ситуации.

– Кого ждём? – тихо спросил Бел у секретаря, похожего на длинношеюю птицу.

– Горин не просыпается, вероятно, переработал, Бугор Сэт ещё не подошёл. Философ, как обычно...

– Начнём без них, – обратился Баал к десяти пришедшим руководителям ОТРАСЛЕЙ, нескольким специалистам и бледному сотруднику из ГБ, похожему на свежевыкопанный труп для картины Ван Эйка. – Мы отстаём с посадками растений, – он обратился к статной женщине, – Сидя, к прибытию Провидца я хочу видеть все запланированные кедровые из дворца. Не менее тысячи крупных растений и траву; кусты

можете не сажать, займёт много времени, а эффект незначителен. Ну и приведите стройплощадку в порядок, уберите строительный мусор, у вас есть вопросы по благоустройству?

– Да, вопрос к Сэту по тому камню, который он выпилил, но не может поднять. Но Сэта нет! – сказала она не без злобства.

– Да, я знаю, сгорел двигатель самого большого робота, камень полежит до Провидца, пусть тот увидит мощь нашей группы. Потом, по отъезде, распилим на части и смонтируем, посмотрите по проекту, куда он просится, – Баал взглянул на архитектора, который приютился с планшетом в углу зала, подчёркивая свою роль меньшего.

Появился Сэт и кошачьей походкой прошёл на своё место.

– Вопрос к вам, и вы слышали моё решение – двухтысячетонный камень пока не трогаем, – повторил Баал.

– Я услышал, – ответил Сэт с достоинством, весело разглядывая Сиду в упор.

– Теперь по защите территории, – Баал обратился к стриженному ёжиком полковнику, – все камеры развешены, свет, ограждение, программы-невидимки, устрашающие шумы, токи, автоматическое оружие, волновые пугачи для зверей, всё, о чём мы говорили многократно?

– Всего в избытке, – отчитался Грубер.

– Безопасность избыточной не бывает. Усильте забор второй линией через сто метров от основного, дикарям нежелательно видеть даже отсветы стройки, хотя с этим мы уже

опоздали. Выкопайте рвы. Сроку месяц, успеете?

– Придётся, – ответил Грубер без энтузиазма.

– Отдел «ГОСПОД», – Баал, оглянувшись, увидел подошедшего Горина.

– Нам нужно представить результаты работы с дикарями, вы выбрали кого-нибудь для операции?

– Да, выбрали бездетного овцепаса. Имя Обрам, что означает «о РА мысли мои быстры», наблюдаем, записи ведутся ежедневно.

– Нужны более впечатляющие результаты.

– Мы переписали геном овцепаса, пересадили органы, укрепили его семя. Теперь он может зачать с сотней молодых, что наш герой тут же использовал, обрюхатив служанку. Осталось модифицировать его столетнюю Сарай («райский сад Ра»), чтобы усилить впечатление. Сарай бесплодна, поменяем ей органы, и всё будет в правильном ключе – родит ребёнка с нужным кодом! – победно закончил Горин, вопрошительно поглядывая на восхитительную Хетти.

– Горин, ваши тупые шутки мы выучили наизусть, – взвилась она.

– Вот и покажите вовремя, к Провидцу, а значит – через три месяца, Сарай должна зачать, – подвёл черту Бел. – Свяжитесь со всеми специалистами и сделайте чудо старушке, дикарям будет о чём говорить тысячу-другую лет.

Все слегка расслабились, пухлая Сида хохотнула, сухое лицо Баала было привычно деловым и строгим, он никогда

не расслаблялся перед подчинёнными. Встрепенулась тонкая фигура Хетти (модифицированная в талии), эти заботы предстояли ей, и честно отработовала:

– Боюсь не успеть, и обещать к сроку не могу, одно дело создавать насекомых, другое – полностью омолодить старуху, оборудование у нас наколенное, нужно заказывать ещё очень много и разного, а возможности нет.

– Оборудование у нас лучшее, – возразил Бел.

– Было лучшее, двадцать лет назад.

– Однако я настаиваю на сроках.

– А я настаиваю на том, что всё нужно делать правильно, – огрызнулась упрямая Хетти. – Мне пора работать, – и вышла.

– Пора и всем остальным, – подытожил Баал и жестом отпустил всех.

6. ФИЛОСОФ

Баал пребывал в панике, хоть никто и не видел этого. Он не понимал, КАК, уже десять лет вполне осознавая свои желания, – кинуть Верховного с Землёй, сделать её своей. У Воина Света, каковым он являлся пред очами Преподобного РА, он был... всего лишь воином, его завтра же могли заслать восстанавливать другую планету, на которой нет такого райского климата. И все его труды достанутся другому, это и крокодилу понятно, так происходило всегда, его перенаправляли, забирая сначала налаженную тюрьму, затем всю отлаженную систему исправления наказаний, передавали её в распоряжение жирному родственнику Главного, который всё развалит за год-два, и понадобится кто-то подобный – жёсткий и эффективный, как Баал.

Как только у тебя появляется НЕЧТО, интересное кому-либо более сильному, его тут же забирают – это Первый и Основной Закон Вселенной, который вывел Баал из опыта своей жизни. Однако ему пока везло – каждый раз, когда его перемещали, это был вертикальный путь вверх. Но Баал ещё вполне молодой – на третьей сотне лет сменивший лишь двенадцать тел, вдруг почувствовал усталость, старость и тлен. И только Терра ещё как-то согревала его, Терра, которая ему не принадлежала, которая была лишь его заданием Свыше и которую он не готов был отдать даже це-

ной смерти.

Баал вошёл в шикарные апартаменты философа из шести морских контейнеров, который разместился в горах недалеко от стройки под сенью огромного кедра. «Вот кто умеет жить», – подумал он, глядя на Геру, обложенного опустошёнными бутылками и мирно спящего, в обнимку с двумя местными шлюхами, нагишом на огромной кровати. *«Второй главный Закон Вселенной – кто смел, тот и съел»*, – вспомнил Баал свой же внутренний кодекс. Счастье, недоступное ему никогда, было так рядом и так зримо, что он залюбовался на эту идиллию – на этих людей, которым ничего не было нужно, которые живут так всегда, срывая мгновения как цветы, так просто и естественно, как ему никогда не удавалось. Он сел на трон напротив кровати, положил ноги на подставку, обитую шкурой зебры, и причастился моменту. Сверхчувствительный Гера приподнял голову.

– Это ты? – разочарованно спросил он.

– А кто ещё может к тебе зайти? Терплю тебя за твои длинные умные глаза, иначе бы давно пустил на корм крокодилам.

– Знаю-знаю, – полушутливо—полуснисходительно пропел Гера. И чёй-то мы, Ваашество, припёрлись? Других дел нет, как ума пытаться? Аль совет какой нужен? Аль на душе погано? И чегой-то с утреца плевать-то в философа, а? Философа может каждый обидеть. – Гера нежно пнул коленом в зад одной девицы и шлепком пробудил другую. – Вон от-

селя, красотки, дяди говорить будут.

Гера встал и нажал кнопку модификации прослушки. ЦП теперь не писал их встречу, но параллельно сочинялся и записывался на носитель иной сценарий, очень похожий на правду.

– Чего надо? – искренне и дружелюбно улыбаясь, спросил Гера.

– Приезжает Провидец, – напомнил Бел.

Гера, завернувшись в полотенце, чистил зубы.

– Ну и...

– Мне страшно, – честно признался Бел другу.

– Всем страшно, – успокоил его Гера. Думаешь, мне охота отсюда? Думаешь, мне хочется всё это покинуть? – Гера сделал большой круг пальцем – и поймав красотку, влез ей рукой между ног. – Но ты прав, мы на полпути к смерти... Чаю неси, – приказал он другой девице, – по четыре порции в чашку.

Баал удивился Гере: сделать шлюху ещё и служанкой – это круто! Гера отсидел двадцать лет в тюрьме у Бела. Они встретились, когда Бел ещё работал простым надзирателем. Гера помог Баалу подняться по всем ступеням. Баал это всегда помнил и ничего не хотел менять в их отношениях. Он помнил, кто есть Гера в его жизни. Гера был его ангелом-хранителем. Баал знал это по длительной практике их отношений – когда у него начинается паника, когда нет решения, Гера бросает все силы и находит нужную разводку любой

сложности, чтобы спасти Баала и вместе с ним себя самого, потому что Баал стал ангелом-хранителем Геры, *выгодно спасать спасающего тебя*. Баал знал, что сейчас они будут долго пить чифирь и думать. И без дальнейших предисловий он рассказал все новости Гере, ставшему вдруг внимательным как струна арфы. И так они сидели весь день допоздна. И никто не решался побеспокоить их в этот день.

Гера, обладавший уникальной способностью выживать в аду, уже давно составил примерный план спасения, однако не спешил его вываливать: тюремная привычка придерживать, многократно выверять, искать исполнителей, искать тех, кого можно подставить, кто должен быть пойман и наказан. У него был свой Кодекс Объективной Реальности и Первый Закон – *кто-то должен понести кару за любое преступление*.

Поэтому Гера отсидел весь срок за преступление, которого не совершал, за преступление другого. И взамен он получил уникальный ум, столь необходимый ему сейчас для выживания целой планеты. Гера составил план, но тот был слишком сложен технически и организационно, он не был полностью уверен в возможности его осуществления, поэтому паника была и у Геры. Она началась с обещанием Провидца, который всё может испортить своим приездом, который неимоверно ускорил их время.

– А какие полномочия у Провидца? – спросил Гера перед уходом Баала.

– Полные. Все. Может расстрелять нас на месте. Половину. Или всю команду. Может меня забрать с собой... а тебя расстрелять. Вариаций много.

– А нельзя ли как-нибудь отсрочить его прибытие?

– Нельзя, чёртовы боги хотят переселяться... скажи мне что-нибудь, чего я не знаю!

– Чем его можно подсластить? Взять лучших девиц... – предположил философ.

– Это не работает, он из альфа-верс.

– Да, мы, бета, многократно лучше. – Гера чокнулся стаканом зеленоватого напитка с Баалом, который держал свой стакан уже очень долго, затем выпил одним глотком и закусил долькой апельсина. – Значит, и исчезнуть придётся нам, – загадочно шепнул Гера прямо в ухо друга, так тихо, что никто из местных котов не смог бы передать его слова ЦП, даже обладая разумом двойного агента. – Мне понадобится Горин, – шепнул вторую фразу Гера – и почувствовал тёплое и сильное пожатие, что означало: «да, Баал доверился другу».

7. ХУДОЙ ЧЕЛОВЕК. ДОБРО

По оживлённой трассе М-4 планеты Терра ещё довольно прохладной весной шёл странный человек в кожаном женском плаще до пят. Так он шёл уже тысячу, или около того, километров. Женский плащ он украл в одном из посёлков по пути своего следования, сделав это вынужденно, чтобы не замёрзнуть, и поскольку был очень худым и не ел несколько дней, плащ оказался ему впору. Человека звали Александр, что означало «защитник».

Александр ушёл из своей семьи, имея лишь одну цель – защитить её, свою трёхлетнюю дочь и молодую жену, от самого себя. Александр жутко хотел курить.

– Боже, как хочется курить! – проорал он в Небо, продолжая идти.

– Какого хера ты куришь это дерьмо! – крикнул на своего удивлённого попутчика водитель BMW, едущего в том же направлении, и выбросил его почти полную пачку «Святого Георгия» в окно. Александр остановился, подобрал «Святого Георгия», поблагодарил Бога и закурил, почувствовав единение со Вселенной. Александр двигался в направлении Энска. Обратив внимание на рисунок на пачке, Александр удивился: «Во что ты превратился, Жорик? Тебя курят, тебя бросают бычком в канаву! Как можно настолько не любить себя?»

Худой человек, похожий на птицу и на змею одновременно, прошёл ещё 50 километров. Мимо него пролетела серебристая «Мазда», обдав водой из грязной лужи. «Ненавижу серебристую „Мазду“!» – зло подумал Александр, осознавая, что уже не может идти, и поднял руку, ни на что не рассчитывая. «Газель», проехав метров тридцать пять от него, вдруг остановилась, из неё вышел молодой весёлый парень и крикнул:

– Полезай в кузов, там есть колбаса в ящике и другая еда, поешь, но не сильно увлекайся, не съешь весь мой бизнес. Тебе куда, кстати?

– Туда, – ответил путник, указав рукой на юг, не имея о конечной точке путешествия ни малейшего представления.

– Подвезу до Обояни, потом поворачиваю.

– Тебя как зовут? – спросил Александр у водителя.

– Анатолий, – ответил водитель.

– Спаси тебя Бог, Анатолий! – пожелал Александр, передавая Наверх все возможные добрые пожелания, залез в тентованный кузов, расположившись на скамейке, и стал медленно есть предложенную колбасу полностью беззубым ртом. Александр ел красиво, несмотря на отсутствие зубов, которые он потерял в тюрьме после 15 лет отсидки, а сидел он 20 лет, пропустив почти всю молодость, но не растратил желания выжить.

Через пару километров после Обояни водитель «Газели»

остановился, и Александр, выбираясь из кузова, получил в награду ещё и банку сгущёнки, которую Анатолий продырявил ножом в двух местах. Александр спросил:

– Почему ты помог мне?

– Ну а как иначе, брат? Вот помру я, а Спаситель меня спросит, почему я не подвёз путника и не накормил его, – и что я Ему отвечу?

Анатолий попрощался, но вынес из кабины ещё половину батона.

– Спасибо, друг, – поблагодарил его Александр.

– И тебя спаси Бог, – пожелал Анатолий.

Александр шёл по дороге, размышляя о том, что, делая добро и помогая ему, Анатолий не знал, кто он на самом деле.

«А вдруг бы я был тем, кто решил уничтожить этот мир, и добряк Анатолий мне помог? *Чем бы было его „добро“ в таком случае?* Тогда какие критерии у добра? – спросил себя Александр – и ответил, – никаких. Добро проявляется к чужому биологическому виду или существу, ты можешь погладить или пнуть кошку, погасить окурочек о цветок или полить его, все понимают любовь, потому что все хотят жить. И все понимают нелюбовь, потому что хотят жить».

– В жизни всегда есть мера, и всегда есть добрый выбор, – Александр убеждал собаку, которая увязалась за ним.

– Неважно, в каком ты теле находишься, в собачьем или

человечьем, или ты созданный разум, ты всегда можешь выбрать, каким тебе быть, Разума без Логики не бывает. Но добрым ты можешь быть только к чему-то ограниченному, *у тебя не хватит корма, чтобы накормить всех, и поэтому они кормятся друг другом.*

8. ВСЯ ТЕРРА. ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Виниловая пластинка проиграла рондо-каприччиозо Сен-Санса и остановилась, аппарат вернул иглу в самое начало последнего витка земной цивилизации. Баал направился к Горину:

– Ты подчистил все записи? Сюрпризов не будет?

– Занимаюсь каждый день... уже в ущерб основной работе, хотя не вижу в этом смысла, ведь ещё есть время.

– Не твоё дело искать смыслы, твоё дело делать то, что я говорю. Тебе нужно пообщаться с Герой...

Горин скривился: Геру, похожего на аспида, он не любил. Геру никто не любил, кроме Баала и всех без исключения женщин, на которых он действовал «магически», хотя всё было значительно проще. В результате тюремных медицинских экспериментов Гера был модифицирован генетикой ящера, на которую женщины западали больше, чем на близкое им.

– Срочно, – добавил Баал, отследив реакцию Горина, – далее я хочу посмотреть на Места. После общения сеанс сотрёшь.

Горин кивнул. По всей планете шла грандиозная стройка. Здания с фундаментами из тысячетонных камней закры-

вали что-то *бывшее ранее*, о чём никто из экспедиции Баала не знал, кроме Сэта, его рабочих и самого Бела. Разговоры были, но все понимали верховность Тайны и грозящее за её раскрытие наказание. Всеми строительными работами на планете руководил Сэт со своего дистанционного пульта через спутники связи, имея на местах лишь бригады техников. Сэт не любил распространяться о том, что делает, и лично пристрелил двух рабочих, которые попытались было слегка открыть рот; он хранил много тайн, как и Горин. На вопрос Горина о смысле этой работы он отвечал: «Мы строим дворцы для наместников, никакой особой тайны, обычные госдачи „богов“». – «Зачем такие большие камни?» – «Так быстрее», – кратко отвечал Сэт. Ничего иного Горину не удалось выжать из друга.

Горин с Белом проследовали в коммуникационный зал, опутанный проводами. Экраны были расставлены кое-как, и похоже – в огромной спешке.

– Спешили, – сконфузился Горин.

– Я понял, – ответил Баал, – наклейте пока номера колоний на экраны, чтобы я не путался, а я приглашу Геру и Сэта.

Через 5 минут все экраны были пронумерованы, подошли уже изрядно набравшийся Гера и Сэт, всегда недовольный такими внеурочными вызовами.

На каждом экране красовались строительные объекты в эстетике, нагнетающей страх даже на самих строителей. Работы на них шли непрерывно, огромные роботы пилили

камни и укладывали их, мощные фрезеры с ЧПУ вырезали в скалах фигуры Заказчиков. Работы шли достаточно быстро, но всё немного не успевало к Провидцу.

Взгляд Баала остановился на экране 67-го участка. Разделённый на четыре части экран показывал карьер, производство, саму стройку. Четвертая часть экрана предназначалась для общения и была свободна. На этом экране техники играли в карты, не обращая никакого внимания на включенное начальство.

На карьере шла обычная работа выборки камней нужного размера. Самостоятельно движущийся станок с пилой в четыре человеческих роста перемещался, делая длинные полосы-резы на плоском от предыдущей выборки поле. На втором экране токарно-фрезерный станок множеством крупных фрез точил грубую заготовку, изготавливая из нее примитивное подобие лица Верховного высотой 10—15 метров. На строительной площадке десятки скульптурных портретов лица, известного каждому в Галактике, уже были установлены втыканием святейшей Головы Символа Власти в землю.

– Это что? – гневно спросил Баал.

Еле сдерживая хохот, Сэт ответил:

– Сюрприз.

– Какой сюрприз? – взбеленился Баал.

– Ничего иного не пришло в голову... много дыр, станок старый, без программного обеспечения, фрезерный автомат, режет только это, можно изменить только размер и наклон

фрезы... Купили по дешёвке... своё отработал... и нет уже места в Галактике, где бы не установили портрета Солнцеликого в камне. Владелец участка не самый богатый человек... туловищный модуль мы бы не увезли... ни на что другое денег на хватало... Выбора не было... вошли в кооперацию, поставляя головы генподрядчику за скромные деньги, на них покупали другое оборудование... А потом Солнцеликий... вы знаете... а заготовок нарезали гору... – Сэт показательно заикался на каждой фразе, имитируя почтительный страх. – Ну казните меня, если это поможет, – нагло усмехнулся он в итоге своей дерзкой речи.

Баал видимо успокаивался по мере осознания безвыходности ситуации. Тюрьма научила его слушать речь людей между слов. Он умел выбирать существенное из любого «базара», относясь к любому потоку сознания с уважением, за что получал уважение в ответ. Речи зэков, как и *любые другие речи, какими бы бессмысленными они ни казались, всегда содержат зерно мысли... иначе зачем раскрывать рот.* Баал умел слушать как никто другой.

– Пожалуй, иного выхода действительно не было, продолжайте. А что по другим объектам?

– Смотрите, шеф, – не сдерживая раздражения, Сэт повёл рукой в сторону экранов.

– Придуманно действительно неплохо, – Баал улыбнулся, и Сэт понял, что его отмазка сработала эффективно и он прощён по существу. – Но зачем вы срезаете верх головы? –

удивился Баал, увидев воткнутые в землю ровными рядами обрезанные версии Экс Вождя.

– Не всем, не каждому, лишь одна из возможных вариаций с моделью... сверху можно поставить что-то полезное... естественно... после работы сваебойной техникой, которая, как всем известно, раскалывает любые черепушки, невзирая на лица, иначе мы не успеваем по вашему графику по дырам, шеф. Солнцеликий вряд ли узнает себя в камне, модель предназначена для самых примитивных племён, ну а если узнает, то гордость не позволит ему признаться. Утилизация статуй и заделка отверстий прошла как два в одном, ещё и заработали, всё по инструкции РА. Планета на краю Вселенной, колония на краю Планеты.

– Отрезать бы вам язык, Сэт, но я привык общаться устно. Что с большой кошкой, которую сочинила любимая дочь Солнцеликого?

– Установлена в лучшем виде, на экран заводить не стали, но если желаете, завтра поставим камеры. Детские игрушки раньше были много компактней, эта 75 метров в длину и 25 в высоту... и уродлива, как все кошки мира. Не буду загружать вас техническими подробностями самой работы, но премиальные как бы просятся... – Сэт приврал насчёт «установки», он вырезал фигуру фрезером из скальной породы по месту, но решил рискнуть, – можем слетать посмотреть, недалеко, если пожелаете.

– Некогда и незачем. Размещать весь каменный мусор Га-

лактики в нашей пасторальной деревне уже негде, по указу 1410Z18 перестали платить, нам не заплатят ни за одну утилизированную статую, пока меняется власть, и... скорее всего, уже и никогда... Кроме того, мы достигли некоторой гармонии камней и памятников, если бы не эта ваша придурь, – Бел снова посмотрел на экран 67.

– Я не настроен портить то, чем пользуюсь, и на что РАСчитываю. Да. Здоровье Солнцеликого вопросительно, пересадки уже не помогают, новое тело не приживается, возможно, помер или того хуже, как вам всем уже известно...

9. БОГИ ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ

На Небе началась новая эпоха, ознаменованная свободой от бога РА, единого и неделимого, Отца Народов и Создателя Галактик, который, состарившись, куда-то исчез, говорили, что его похитила и даже пытала Изида, пытаясь выведать важные для неё секреты, которые знал только РА, Присоединённый, Божественный, *рождённый раньше всех, родивших Его*. Родительские отношения были не в моде, поскольку мало кто помнил отцов в лицо, технологии смены тел и искусственных модификаций внесли свою лепту.

Так или иначе, но именно Изида, надев Митру Присоединения, приняла новую власть, став Преподобным Галактики, и, вспомнив о Терре, направила туда с инспекцией Осириса, который был по совместительству её мужем. Осирис и был тем ожидаемым Провидцем, о котором говорили Баал с Герой, пытаясь вывести формулу личного выживания.

Осириса планировалось оставить на Терре, поскольку отношения супружеской четы давно находились в тупиковой фазе, а с этим делом они смогли бы «скучать друг без друга – и, возможно, *что-то* и оживёт», согласно произнесённой мысли престарелой богини.

Изида, выглядевшая в свои 4562 с хвостиком на неполные 30, мечтательно изогнулась. Получив власть, она не преминула воспользоваться ей, и свидетели тут были излишни.

Женщины РА-звития были всё так же хороши, даже лучше, чем прежде, они модифицировали себя непрестанно, добавляя новым телам изящные детальки, а мужчины обабились, и сам РА, в последнем теле обладая неохватными бёдрами, ещё как-то пытался содержать талию в установленных им же канонах, но дряблая кожа и общая тысячелетняя усталость давали о себе знать. Средствами Митры омоложение уже не решалось эффективно, а новые тела не приживались к его разросшемуся Разуму и Душе.

Имидж очень важен, подчинённые не будут слушать умирающее и странное, а РА выглядел и странным, и умирающим одновременно, и самое обидное – он вполне осознавал это. РА предчувствовал свою смерть. Но где-то очень глубоко внутри него четырнадцатилетний мальчишка, который жив в любом живом мужчине, был жив и в нём, и ещё сопротивлялся смерти, когда всё остальное было уже готово умирать.

Он испытал за свою длинную жизнь всё, что может испытать человек, что может испытать бог, пропустив через себя все помыслы разных людей, и мужчин, и женщин, и стариков, и детей, и не только людей. Он не знал, чего бы ещё пожелать себе в этой жизни, его существо одеревенело и напоминало тысячелетний баобаб больше, чем человека. Он произвёл тысячи генетических экспериментов, сохраняясь ради того, чтобы пытаться заново *возращать этот мир своей любовью*, он сделал всё, что смог, строя и ломая, и снова

строю, он не останавливал попытки улучшить мир до последнего, меняя тела на более молодые, но тела не приживались, потому что старость самой души одолела его, он уже почти был готов ко встрече с Неизведанным, рапортуя о том, что не справился.

Многokrатно примерял он смерть. Но как только она согласилась прийти к нему, неистребимая, вечно молодая закваска души, забывающая о зеркале, немощах и тлене, поставила его буквально накануне мятежа «радеющих о нём подчиненных» скоренько собрать свои личные технологии и исчезнуть в не ведомом никому направлении. РА как никто другой знал, что доверять в этом мире нельзя ни брату, ни свату, и, готовя побег тысячу лет, столько же времени предусмотрел и на всё для него необходимое. Всё нужное было готово всегда, лежало на видных местах, не представляя интереса ни для кого, кроме РА, и было так компактно, чтобы и на новом месте не привлечь ничьего внимания.

РА исчез, таким образом сделав подарок своим потомкам, уже готовым согрешить отцеубийством, оставив им Трон добровольно. РА любил их, как только отец может любить, прощая всегда, записывая любой их недостаток на свой счёт, вызывая всю их боль и беды на себя. Изида, мысленно восторгаясь Отцом, вздохнула с облегчением, не найдя его во дворце. Она была ещё очень молода и душой, и разумом, поэтому прощала себя с легкостью и за всё. Изида была ещё очень наивной, не испытав на себе бремя ответственности

и забот об этом мире, кажущемся незыблемым, но эфемерным, как цветок в пустыне.

10. ЧТО ДЕЛАТЬ?

– Мы становимся РАком к новому вождю, – прокаркал трезвый и злой Гера, открывая бутылку абсента.

– Да, – согласился Бел, – половина поселений и рек имеют корень РА, язык с корнем РА основной, но теперь, в связи с новыми обстоятельствами, эта работа может быть расценена наверху как приверженность к устаревшим догматам. Все РА-з-умные люди в Галактике ломают памятники РА, а мы их ставим, программируя новую реальность умершим или исчезнувшим Вождём. Новые правила, как известно, значительно более поджарые, чем наши прежние. Так что серьёзно готовьтесь и определяйте личные желания, пока у нас есть краткая возможность решать и мыслить свободно. И затягивайте пояса.

– То есть может оказаться, что это была лафа? – испуганно-шутливо выдохнул Сэт.

– Ещё бы не лафа. Слухи о кончине различных колоний перемещаются быстро, и это стандартная процедура, понятная более опытным товарищам, – Баал посмотрел на Геру, который, свернувшись калачиком, уже спал на одном из столов. – Нас может спасти только то, что мы никогда и не страдали избыточным верноподданством Солнцеликому и были далеки от политики, но дела наши обличат нас – мы создали тут планету РА в самое неподходящее время. Так что не из-

водите себя оптимизмом, маловероятно, что нас отформатируют, но куда и в какую отстойную дыру нас запихнут Преподобные восстанавливать новое нечто – это большой вопрос. Я очень не люблю слово «МЫ», но сейчас оно так и просится для каждого из определений, которые не «мы» себе дадим, а дадут нам те, кто прибудет с инспекцией, поскольку оценивать они будут «нас», наше общее дело... Горин, включите нам Галактические Новости, последнюю доступную подборку. Каждая следующая новость с недельным интервалом от предыдущей, можете просчитать, что будет сейчас, прошло 2 месяца.

Комментатор, сухой мужчина средних лет, вкратце рассказал о таинственном исчезновении Отца Народов. Следующий сюжет разоблачал перегибы прежнего руководства и самого Отца, следующий – вылавливал врагов из клана прежних, рушил памятники, следующий – казнил врагов народа на примере «восставшего» религиозного шахтёрского городка, следующий сюжет рассказывал о «во многом очень светлых лицах» новой власти.

Эту стандартную процедуру Баал видел неоднократно за свою долгую жизнь, по репортажам о смене власти планет, но сейчас речь шла о значительно большем. Как важно успеть запрыгнуть в последний вагон, что он умел как никто другой. Во время перемен он оказался здесь, в этом лучшем из мест.

– Я вам не показывал этого, щадя ваши нервы и силы,

но время выходит, поэтому вы все должны знать правду. Нужно выбирать. Покориться новой власти или найти решение тут, на обочине цивилизации, на Терре, отчасти понятным каждому из вас способом, о котором, уверенно предполагаю, думали вы все. Поэтому решайте. Что вы решите, то и будет, я уже стар и полагаюсь на вас троих, самых близких.

Гера понимающе хрюкнул во сне, он так и не отвык от тюремной привычки, сколько бы ни заливал её алкоголем, спать готовым к бою. Никто не ответил Белу – что он принял без удивления, зная настрой и согласие каждого, как и осторожность, присущую его подчинённым.

Тем временем на планете Терра все готовились к инспекции, и фраза «к нам едет ревизор» была вовсе не пустым звуком: ревизор был страшен, и терряне мысленно примеряли разные сценарии, каждый представляя худшее.

План Геры. Начало истории

Гера, пытаясь решить задачу, загонял Бела, заливая ему литрами чифирь и водку, оба вошли в мистическое состояние, близкое к помешательству, не спали по ночам, уже вызывая шепоток подчинённых. Бел в конце концов вынудил Геру признаться – есть ли у него план или нет. Гера сказал кратко:

– Мы все должны исчезнуть.

– Конкретно?! – ещё настойчивей потребовал Бел.

– Конкретно, – ответил Гера и завалился спать.

Бел всю ночь думал над его словами – и к самому утру согласился с безупречной логикой Философа. Если мы покажем всё таким, какое оно есть, мы проиграем, хорошее всегда отбирают. Следовательно, нам нужно показать полную разруху, только это сможет остановить попытки верховного руководства отобрать у нас Землю. Но как это сделать? Бел разбудил Горина:

– Что нам делать, посоветуй?

Горин, спросонья и с похмелья, тяпнул стакан водки.

– А давай организуем восстание дикарей!

– Не сработает. Как тогда мы смогли построить столько госдач в состоянии войны с аборигенами? Тем паче, что мы отчитались о «подавлении всех восстаний и мире», нужно что-то более убедительное.

– Давай РА-з-рушим Врата!

– Это сразу же сигнализирует аварию наверх, нас уничтожат, ты же понимаешь.

– Давай организуем потоп, зальём всю сушу водой, пусть нас посчитают погибшими, потоп разрушит Врата, и это будет логично, или мы сами разрушим их за мгновение до потопа, вода сойдёт, и мы продолжим жить дальше.

– Это уже похоже на что-то, только как ты сделаешь это?

– Я уже думал, растопим лёд полюсов, планета потеряет равновесие, риск будет и для нас велик, но отсидимся на Лунной базе... нет, на Лунной базе нас отследят, и она

ещё не готова, не вариант; отсидимся под водой, на «Атлантиде». После Потопа вряд ли кто-то проявит интерес к нам, во всяком случае, долгое время.

– Хорошо, иди спать, я подумаю. Только скажи мне – где нам поставить «Атлантиду», чтобы остаться живыми.

– Я подумаю, – ответил Горин.

– Я подумал за тебя: с завтрашнего дня потратить все усилия, чтобы в ГБ шла только нужная информация, мы должны полностью обезопасить себя от возможной утечки, чтобы ты стал невидим. Мы будем окапываться по твоему плану, строительства не замораживаются, но в первую очередь готовим «Атлантиду» к погружению, писарчуки пусть пишут свою историю, она нам пригодится по всплытии для организации *нашего полного исчезновения*. Все эксперименты с Обрамом, Сарай и другими аборигенами нужно продолжить, это наш единственный шанс исчезнуть ещё на тысячу лет. Нам нужен ребёнок со встроенным кодом. Нам лучше успеть и с Книгой до потопа, так мы сэкономим 300 мест. *Галу возьми*, закажи её клон. Рассчитывай на то, что мы не успеем проиграть всю *тысячелетнюю историю будущего* до Потопа, но мы обязательно споём эту песню потом.

– Это вы о чём, шеф?

– Я о Книге, которая создаст наш Новый Дивный Мир; время нам проверить работу писателей. Кстати, пришла другая светлая мысль – не переживай о ГБ, я поручу Груберу, он экономит нам ещё 666 мест.

– Как?

– Убьём их, и все дела, в новом мире они не нужны.

– Вы гений, шеф, почему я сам этого не придумал?

– После того, как убьём их, все строительные работы заморозим, нужно думать о главном.

«Откуда он узнал, что мне нравится Гала?» – подумал Горин.

Повышение Галы

Вдохновлённая Гориным Гала разработала краткий сценарий, по которому отчитывалась перед Белом и Гориным, смешно теребя свою короткую юбку, строя умильные мордашки и поправляя очки, на что Горин с Белом взирали по-отечески нежно – Гала нравилась им обоим.

– Я начала бы со сверхзадачи, чтобы убедиться, что поняла её правильно, – неуверенно вступила Гала. Горин с Белом кивнули.

– Сверхзадачу я вижу так – Бог даёт обранию роду своё благословение. – Гала приподняла очки и подслеповатыми прекрасными глазами нежно смотрела на своих слушателей.

– Продолжай, всё пока правильно, – подбодрил её Бел.

– Чем Бог может благословить своих избранных? Каким-то подарком. Какой подарок больше всего им нужен? Ребёнок. Бог подарил им ребёнка!

– Ты даже не понимаешь, Гала, насколько точно ты попала

в цель, продолжай, – восхитился Бел.

Гала чуть расслабилась, и уже значительно более деловым тоном продолжила:

– Чтобы это воспринималось чудом, Обрам и Сарай должны быть бесплодными и возможно... немолодыми. Иначе, если они будут молодыми и не бесплодными, чуда не сотворить. Они будут немолодыми и бесплодными!

Горин с Белом переглянулись почти счастливым взглядом – они нашли Руководителя Цеха.

– Гала, продолжай! – в унисон даже в интонации сказали оба, и Гала рассмеялась, ещё более обрадовав их, так давно не видевших искреннего человеческого смеха.

– Бог пришёл к ним и пообещал, что даст им ребёнка, но Сарай, которой было... – Сто лет, – вставил Горин.

– ...не поверила. Хорошо, пусть ей и ему по 100 лет, – согласилась Гала, – но Обрам поверил, ведь мы не можем начать историю с полной веры или полного неверия, иначе она не будет правдоподобной, *вера всегда включает элемент сомнения*, поверить должен Обрам (поскольку он мужчина и главный), а не поверить должна именно женщина, как причина всех недоразумений, – самокритично высказалась Гала, чем вызвала новый прилив умиления у слушающих её.

– Итак, Бог приходит, обещает Сарай ребёнка, а чтобы добавить правдоподобия, мы (Гала показала на коллектив за стеклом) решили – она не прямо выскажет сомнение, а только подумает сама в себе. Тогда Бог, услышав сомнение

Сарай, огласит его перед Обрамом. На что Сарай соврёт, желая покрасоваться, как это принято у женщин, и откажется от своего сомнения перед Богом.

– Всё так, есть только небольшое дополнение, – сказал Бел, – если Обрам поверит Богу, то на это должны быть причины, должна быть некоторая предыстория, которая убеждает его верить. И ты должна описать её со всеми подробностями... Перемещения, события, люди, доказательства Бога, заставившие Обрама верить Ему. У Обрама наверняка есть какая-то родня, откуда он сам, чем жил до своего столетия, как выглядел Бог, который убеждал Обрама и т. д. Всё это тебе до завтра, воспользуйся услугами визуализатора, тебе будет проще. И ещё одно дополнение – не делай идеальным мужчину и не делай дурной женщину, все люди состоят из достоинств и из недостатков, а вера всегда основана на сомнении, как ты сама сказала, создай и это сомнение, создай страх, неуверенность, какие-то победы и поражения, история должна быть живой. Займись окружением Обрама, больше подробностей, дорогая, Бог, как ты знаешь, – в деталях.

Горин вышел, чтобы найти и уволить руководителя Цеха и утвердить Галу в новом качестве, пока Бел завершал свои наставления, но дождался, когда шеф выйдет из кабинета, – и объявил залу о перестановках.

– Я надеюсь, других кадровых изменений не будет, все работайте усерднее, – резюмировал Бел. – Галу слушать как

Бога! – вдруг добавил он грозно, смотря вслед её трепетной фигурке... – Как меня.

И всем стало действительно страшно.

11. ГОЛОВИН. ТУПИК И УНЫНИЕ

В иное время Головин уже создавал свой «пластиковый бизнес», для чего нанял военных, которых собрался обучить изготовлению окон, и эксперимент удался. Бывшие капитаны и полковники дисциплинированно и уверенно нарежали, клеивали окна, устанавливали стеклопакеты, закрепляли мудрёную немецкую фурнитуру. Новый бизнес пошёл, выиграв несколько тендеров. Головин сидел на совещании подрядчиков и слушал разнос директора УКСа Энска, Словенчера, удивительным образом похожего на Бела и внешностью, и повадками, чего Головин знать не мог.

Артём Каримыч Словенчер был легендой в своих кругах, ежедневно с пяти часов утра объезжая свои объекты, начиная с самых дальних. Его рабочий день был всегда одинаков, похожий, как капля воды на другую каплю воды. С 4 до 5 утра – зарядка и завтрак, с 5 до 13 – объезд дальних объектов, потом объезд ближних, на каждом объекте – планерки с подрядчиками, обходыстроек, разносы, требования ускориться, уничижающие речи, дрожь выигравших право на труд, снижения расценок, обещание невыплат, обед без свидетелей в дороге...

В такой среде обитания могли выжить люди с крепкими

нервами, которые переходили с объекта на объект, постепенно завоёвывая себе авторитет надёжности; Головин же не был таким, он был человеком творческим, но не рабочим, его напрягала эта обстановка тем, что он не мог быть первым в ней, он превратился из руководителя завода итальянских машин в рядового подрядчика и сидел у Словенчера на разборке с двадцатью такими же, как он, как ученик перед учителем.

– «Канди—Доз», что нам скажет Александр Алексеевич? – Словенчер путал его имя и отчество, Алексей Александрович не решался его поправить.

– Завтра поставим ещё штук тридцать, – устало-энергично ответил Головин.

– Вы понимаете, что нам нужно успевать в сроки, простаивают штукатуры – вы задержали нас на неделю?

– Понимаю, но мне задержали поставки материалов.

– У нас был выбор среди многих подобных фирм, мы остановились на «Канди-Дозе», почему мы должны страдать от этого? – Словенчер смотрел на Головина, высекая искры взглядом.

Головин, понутив голову, ответил:

– Мы подтянемся, сейчас нам ничего не мешает ускориться.

– Уж подтягивайтесь как-то... – в голосе Словенчера чувствовалось огорчение не только за работу и стройку, но и за человека, Головина.

Планерка закончилась. Головин переместился на своё предприятие и ходил по цехам, поражая унылым видом рабочих, пока не увидел нового рабочего, принятого без его ведома; им был Александр, путешествующий пешком по России. Александр подметал мусор у аппарата склейки профиля, глядя на Головина глазами, наполненными неведомым смыслом.

– Вы устроились недавно? – спросил его Головин, отметив явно не вписывавшегося в коллектив человека.

– Да, работаю второй день.

– Цыган, что ли? – предположил Головин.

– Нет, русский дворянин, – со скромным достоинством представился работник, – Александр Галицкий.

– Ни разу не встречал живого, – заинтересовался ещё более Головин, пожав руку Александра.

– Может, после работы поговорим? – предложил Александр.

– Я не против.

На том они и расстались.

12. ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Горин с Белом летели к другому своему полигону. Территория в несколько сот тысяч гектар, огороженная от нашествия воинственных дикарей, использовалась как плацдарм для визуализации историй на местности. В качестве моделей использовалось племя скотоводов, которое отличалось от других местных племен темнокожих большей сообразительностью.

Немец Грубер, ловкий и тонкий как плеть, выпрыгнул из бронетранспортёра и шёл навстречу начальству. Он был человеком горячим, из бывших сидельцев Бела.

– Привет, Карл, что нам покажешь?

– Разрази меня гром, если я понимаю хоть песчинку от ваших желаний. Какого хера вы хотите, гааспода?

Бел ласково постучал по его голове, как по дереву:

– Не бери в голову того, что туда не уместается.

Грубер щёлкнул ртом, издав звук открывающейся бутылки, это было их давним ритуалом, в конце которого Грубер всегда успокаивался. Жилищем этой бригады был огромный павильон, собранный из контейнеров, наполненный военизированными людьми.

– Ганс, включи нам экраны со зверинцем, – крикнул Грубер бритому молодому солдату, который вывел на экраны все объекты эксперимента. На экранах появились персона-

жи – семьи Обрама и Эйлота, его родственника.

– Настрой-ка мне СадОМ в нескольких ракурсах! – велел Грубер солдату, а тот вывел на огромный монитор картинки из нескольких жилищ и общественных зданий.

– Смотрите телеканал «порнография животного мира»! – возмущенно показал Грубер на экран, в котором отображалась жизнь садОМлян в реальном времени.

– А ты у нас такой праведник! – хохотнул Горин, вспоминая их последний совместный загул.

– Я бы зачистил эту территорию, но вы заставляете защищать свой ебучий СадОМ. Посмотрите на наших испРАвителей, – Грубер показал на экран, на котором был виден отдел ПРАВИ, расположенный в СадОМе. Сотрудники отдела развращали местную детвору, не отходя от своих постов наблюдения.

– Я говорил, что сидячая работа вредит мужскому здоровью, – ввернул Горин.

– Я хочу знать – кого мы тут защищаем? – не унимался Грубер. – И эта сволочь наблюдает за нами? Какими скотами нужно быть, чтоб при этом ещё и оценивать нашу пРАведность? Зачем, я хочу знать, за ким хером мы защищаем этих зверей?

– Мы проверим твои сведения, и сегодня же, – уступил Бел, спланировавший и речь Грубера заранее. – Промотай мне Обрама и Сарай ускоренно.

Бел надел Митру, которой старался не злоупотреблять,

и просмотрел информацию за месяц.

– А старик знатно окучил служанку, которую старая дурра ему подложила, хороший сюжет для Галы, подбрось ей во всех подробностях, – велел Бел Горину. – Мы едем в СадОМ, возьми оружие. Трёх человек будет достаточно. Бел всё делал сам, даже понимая опасность операции, он отправился в этот город. – *Нужно быть уверенным во всех своих решениях,* — озвучил он 3-е правило Бела.

– Возьмите Митру, шеф, – Грубер передал Белу устройство, которое тот недолюбливал.

Военный броневик, нарезаая огромными шинами каменисто-песчаную местность, домчал их к месту за 15 минут. Обрам, увидев приближение группы, выскочил из своего шатра со всей прытью омоложенной плоти, начал суесться и бегать, и организовывать слуг и жену, пытаясь накормить гостей, усаживая их и делая всё почтительное богам от человека. Бел подставил ноги в миску для омовений и через шлем рассматривал Сарай, красивейшую из женщин в свои годы. Вспомнив Галу, он сообщил Обрам, чтобы слышала Сарай:

– Я опять буду у тебя в это же время, и будет сын у Сарай, жены твоей.

Сарай внутренне рассмеялась, Бел через Митру услышал её звонкий колокольчик и причастился молодости её души, и снова удивился Гале.

– Отчего это рассмеялась Сарай, сказав: «Неужели я действительно могу родить, когда я состарилась»? – громко

спросил Бел.

– Я не смеялась, – солгала Сарай, подтвердив все три предположения Галы.

– Её математическое чутьё безупречно, – шёпотом восхитился Бел.

– Мы идем в СадОМ, говорят, что там плохо люди живут, я хочу наказать их, если увижу это, – сказал Бел Обраму.

Обрам стал торговаться и просить за город, общение с ним затягивалось, и Бел скомандовал Горину с Грубером ехать самим:

– Наденьте шлемы, я хочу всё видеть. Да не забудьте вывезти Эйлота, он нам нужен.

Белу понравилось у Обрама, у того была семья, настоящая жизнь, и он сел на скамью у шатра, отдыхая, слушая вполуха его наивные речи, поглядывая на Сарай с восхищением и нежностью, как бы смотрел на мать или на сестру. Отдохнув, он связался с базой и попросил выслать за собой машину – и к вечеру покинул свой народ.

СадОМ

Тем временем Гор с Грубером подъехали к стоявшему на окраине дому Эйлота, который принял их почтительно в доме, накормил и приготовил постели, но гости слышали крики и послали Эйлота посмотреть, что случилось снаружи, наблюдая за происходящим в окно.

Перед домом бушевала возбуждённая толпа, которая требовала их плоти. Эйлот попытался предложить своих дочерей вместо гостей, чем изрядно удивил Горина с Грубером, но толпа завывала, тогда Грубер открыл дверь и, затащив Эйлота в дом, бросил в толпу световые гранаты, ослепившие и оглушившие нападавших, которые разбрелись восвояси, потирая головы.

Эйлот оказывался ехать, несмотря на все убеждения, ему было жалко своего барахла, зятя Эйлота приняли их предложение за плохую шутку и смеялись, дочери ждали решения отца, ожидание затягивалось, и становилось всё опаснее. Гор с Грубером уже хотели уехать одни, но получив строгий приказ Бела забрать семейство, обезвредили зятьёв двумя ударами, Эйлота с женщинами силой вытащили из дома и вывезли за город. Эйлот, испугавшись неведомой техники и ощущений, убеждал Горина оставить их на холме рядом с Се-Гором, названным в его честь.

Грубер, отъехав на значительное расстояние, рассчитав, что и Эйлот успеет удалиться, скомандовал штабу дать две ракеты по ранее настроенным точкам, и через минуту двух небольших городов не стало. Взрывы, уничтожившие города, были видны на значительном расстоянии и добавили авторитета элохим.

13. СТРАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЛА

– Мы неплохо поработали сегодня, сделав, как учил нас РА, одним делом решив три проблемы: отдел ГБ с их наблюдением, СадОМ, как неудачный эксперимент смещения элохим с аборигенами, и сэкономили места на «Атлантиде» для действительно нужных специалистов, – отчитался Белу Горин.

– Проблема в том, Горин, что душа бога не уместается в человеке. Находясь в человеке, его душа обретает человеческие черты, элементарно не хватает памяти, размер имеет значение, техническое несовершенство человека не позволит богу оставаться собой внутри человека, это проблема, а подключать Митру непрерывно, как ты сам это знаешь, вредно для здоровья, тело не протянет долго, и с материалом вечная напряжёнка, и пересадка не гарантирует удачи.

Бел говорил то, что Горину было давно известно. «Чего он хочет? – думал про себя Горин. – Бел никогда не говорит без смысла».

– Поэтому я предлагаю тебе поработать над проектом, который должен остаться только между нами, – продолжил Бел, – мне понадобится твоя помощь, даже Гера не посвящён в него, ты должен понимать, какая секретность.

– Так в чём идея? – спросил Горин, подумав, что ему и с одной головой удобно.

– На сегодня этой информации тебе достаточно, проверь лишь ребёнка Обрама от служанки... где она, кстати?

– Обрам по настоянию Сарай вывел её в пустошь и бросил, наши не проследили, где-то в дикой зоне, след утерян.

– Очень жаль, придётся ждать ребёнка от Сарай. Навести Хетти, узнай, как у неё обстоят дела. Спроси у Обрама, куда он отвёл служанку, не могла же она раствориться, у неё наверняка есть родственники, пошли отряд на поиски.

– Я всё понял, шеф, могу идти? – спросил изрядно уму-челенный Горин.

– Ничего ты не понял, но иди, завтра вечером отчитаешься. Как ты думаешь, Хетти сможет сделать существо с пятью или с десятью головами? – спросил его Бел – и закрыл дверь перед носом у Горина, уже готовившегося ответить.

Бел лёг спать. Этот день утомил его: уничтожать города нелёгкое бремя. Бел не любил насилие, предпочитая использовать все ресурсы, даже самые никчёмные, но эксперимент ОМ не удался, приходится признать. «Людям нельзя давать свободу, их нужно контролировать, ими нужно властвовать, только при таком условии они остаются людьми, а элохим нельзя поселять с людьми. Двенадцатилетний опыт автономии и полной свободы уничтожил два города, в котором жили и колонисты, и дикари, и каждый вид внёс свою лепту в разращение друг друга. Но отрицательный результат тоже

результат, — засыпая, подумал Бел, — математику не проведёшь, хотя...» Бел не успел рассмотреть входящую мысль, и она утонула во сне.

14. ДЕТИ

Два в одном

Александр поведал Головину о своём пешем путешествии и что не ел уже целый месяц. Головин купил еды и бутылку водки и попросил Александра рассказать о себе. Александр рассказывал весьма странную историю об отсутствии паспорта и сложной семейной жизни, Головин вычислил противоречия и нестыковки и попросил объяснить их. Александр честно признался, что отсидел 20 лет в одной из бывшесоветских республик, не смог получить паспорта РФ, но, судя по всему, и не горел особым желанием, добавив, что когда-нибудь купит себе русскую борзую, которой паспорт точно дадут.

Головин плакал, как раненый крокодил, в два ручья, когда Александр живописал ему ужасы своей двадцатилетней отсидки, представляя себя вместо него в тюрьме, поскольку знал, за что можно наказать его самого. И теперь, слушая Александра, почти физически переболел его историей, в которой «ему, Головину» выливают на ногу ведро кипятка, травят собаками и пытаются уничтожить всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Головин ко всем своим недостаткам ещё и верил в Бога, считая, что и Бог любит его, придерживая для особой задачи, поэтому не ограничи-

вал себя в мелочах типа грешков и прегрешений, которые считал малосущественными в приложении к своей личности и её будущей миссии.

В связи с этими грешками у него в голове забрезжила странная надежда на халяву искупить их посредством Александра, который якобы «отсидел за него самого», эта мысль Головину понравилась. По этой причине и полились его слёзы, которые Александр приписал жалости и состраданию нового друга, но Головин жалел самого себя, по-актёрски примеряя образ невинно осуждённого мученика. Появление Александра он приписал божественному посланию – и стал внимать каждому его слову так, что тот только удивлялся.

Александр был аватаром Геры, который выиграл 15% его ресурса, принадлежащего богам, поэтому имел *неполный доступ к телу* лишь в нетрезвом состоянии Александра. А поскольку Александр выпил, Гера начал проявлять себя: его миссией действительно был Головин, который чем-то заинтересовал Бела, чем именно, Гера не знал, но за свою многотысячелетнюю жизнь такой лёгкой добычи ему никогда не доставалось.

За час-другой Головин стал безраздельной аудиторией Геры. «Чего хочет Бел от этого человека?» – задавал себе вопрос Гера, понимая, что Бел никогда не ответит, и одновременно – никогда не сделает глупость. И Гера честно делал своё дело, интеллигентно и неспешно заливая в беззубый рот водку, и по-дворянски закладывая кильку. Гера рассказывал

Головину полузабытые байки из своей тюремной жизни, которую он то ли выдумал, то ли она была на самом деле, он уже и не помнил, поэтому придумывал на ходу свои истории по шаблонам, которых заготовил в избытке за свою длинную жизнь.

Гера, не получивший никаких сведений о Головине, по неписаным правилам Игры был вынужден понимать этого человека. А Головин, при вроде бы примитивной его простоте, был для него парадоксом, Гера не мог предугадать его реакцию на тюремные рассказы, его крокодильи слёзы, его странный, внезапно возникший человеческий интерес к Александру – персонажу Геры. У Геры не было конкретного задания, согласно правилам игры, в его власти было всё что угодно: он мог обобрать этого человека, убить, подставить или, наоборот, – помочь и продвинуть.

Сложность Геры была в том, что его подведомственный аватар Александр включался и отключался без всякой логики, когда ему вздумается, поскольку 15% Гериной власти – это ещё не вся власть. У Александра была $1/3$, положенная богами человеку, $2/3$ (0,666...), помноженные на 15%, никак не могли пересилить акций самого Александра на свой разум и тело, а разум Александра был крепким, закалённым и отточенным в испытаниях, он то и дело проявлялся вместо Геры, чего сверхчувствительный Головин не мог не заметить, определив парадокс «мистической странностью».

Головина тянуло ко всему фантастическому и необычно-

му, он каким-то нюхом всю свою жизнь искал и находил события, которые вменяемому человеку показались бы мусорными объедками, но Головин их берёг, запоминал и, складывая на потом, когда придёт время понимания, копил их как бабка на похороны. И ко всему странному он относился не иначе, как к благословению Бога, которым считал христианскую Троицу.

У Александра была ограниченность – обожжённая пята, про которую он рассказывал Головину. У Геры – та же пята, а теперь и новая семья Александра, которую к нему привязали при внедрении. Александр любил свою семью, а Геру внедрили в Москве, в середине пешего путешествия Александра, – он не имел ни малейшего представления о «своих» новых жене и дочери.

Гера, глядя на плачущего Головина, просчитывал варианты следующего хода, забравшись очень глубоко в собственный расчёт, но так и не достигнув дна: Головин действовал так, словно играл не в шахматы, а в поддавки, и был намерен сдаться, ещё не начав игру; с такой тактикой Гера не был знаком – всё, что он знал ранее, обычно хоть как-то сопротивлялось. Гера не понимал «это существо», как он называл Головина про себя, за сутки работы у Головина он составил портрет его окружения – бывшие военные, все мелкорослые, и хитроватые, – очевидно это его уровень руководства, люди повыше и попрямее тут не удержатся, а эти прилипли в надежде отщипнуть от добряка кусок сала.

Очевидно, тут нет денег, нет достаточного ума и воли, чтобы «пустить эту тройку галопом» (Гера вспомнил Пушкина). При этом выяснился и предпринимательский талант Головина, подаривший ему возможность отхапать неплохое предприятие у Объективной Реальности, заработать денег, построить цеха и организовать производство.

Предприятие было огромным, тысяч пятьдесят квадратных метров площадей, новое оборудование, станки, инструмент, 80 га земельный участок.

– Тут у тебя как на зоне, – уныло, невесело (они уже успели перейти на ты и по имени-отчеству) сообщил Гера, – у нас было прикольной.

– Правда? – удивился Головин. – Я, слава Богу, не могу сравнить, поскольку был только в нетюремной реальности, там за меня отсидел ты, Саша.

«С чего бы ему так самоуничижаться перед незнакомым человеком?» – подумал Гера.

«Откуда прислали этого человека – от Бога или от дьявола?» – параллельно думал Головин, кроша этой мыслью мозг, словно дятел червивое дерево.

Головин, увидев Александра, мгновенно понял, что *он послан*, и его «игра в дурачка» имела определённый смысл, – пока Гера подглядывал за Головиным, Головин подглядывал за Александром, изучая его как Большой Объект, который *не мог быть не внедрённым*. Гера был уверен, что не раскрыт и его воспринимают объектом привычной среды, по-

скольку от «привычной среды» отвык, не понимая вполне, каким павлином он смотрится, – с длинными хитрыми и умными глазами, взглядом странне, е чем у Сальвадора Дали, волосами, как у художника эпохи Возрождения, и уверенной манерой змея.

Задачей Александра было понравиться Головину, привлечь его внимание, чтобы впоследствии как-то решить свои семейные проблемы, – он просчитывал разводки, которые можно повернуть с «Добряком», как он его окрестил внутри себя.

Головин слушал Геру, затем Александра, затем снова Геру, практически ничего не выдавая на выход, кроме жалостливых соплей к «самому себе». И Геру с Александром понесло: они поочерёдно рассказывали свои тюремные полузабытые байки, очень похожие, но с разными подробностями. И Головину, который по наивности воспринимал Александра одним человеком, было невозможно разобраться в том, что сюжетных линии как минимум две, а не одна. В этот момент Александр неспешно, со значительными расстановками и отступлениями, рассказывал ему историю, произошедшую с ним в Москве.

Внедрение

– Дня на два остановившись в Москве, я присел отдохнуть на остановке, на оживленной улице, когда вдруг движе-

ние как бы прекратилось, и я увидел своих – жену и детей – в проезжающем мимо автобусе, вполне понимая, что этого быть не может, никак, ни при каких обстоятельствах, потому что жена и дети сейчас у себя дома, у них нет денег, чтобы добраться до Москвы; но ситуация была настолько реальна, что не поверить ей было сложно. Я было дёрнулся бежать за ними, но, сделав скидку на голодные недели, встряхнулся и пошёл дальше. Около небольшого стеклянного павильона, куда я зашёл с надеждой спереть что-нибудь съестное, я снова увидел, как жену и детей снаружи заталкивают в «Газель» и увозят, и даже погнался за ними, но снова не успел. Больше я их не видел.

Александр замолчал, словно пытаюсь ещё что-то вспомнить, но в этот момент его сознанием овладел Гера.

Головин спросил Александра (Геру):

– Но если всё было настолько реально, то, может, оно и действительно было?

– Ты о чём? – спросил Гера.

– Об этой истории в Москве, о чем же ещё?

Гера, не представляя, о чём речь, стал вспоминать, как он сам оказался в Москве.

– Я, похоже, попал в план перехвата, в городе словно никого не было, ночь на дворе, и никого: машины стоят, людей нет, совсем нет, странно для такого города, ещё и самый центр. – Гера отлично знал Москву, посещая её по разным заданиям. – Военные в необычной форме, в чёрных шле-

мах со стёклами, камерами и странной подсветкой... ходят и ищут людей, переговариваясь через свои шлемы о том, что в это время никого не должно быть, а кто появится, должен быть устранён на месте, вроде как «это могут быть только без чипа», «код 51», что это значит, я так и не понял. Я испугался и залез под куст, и жду, а они рыщут, побежали за каким-то мужиком, выстрел, мужик упал. Я отрубился от голода, и страшно... как-то совсем не как всегда, какой-то холодный страх, как когда я разговаривал с дьяволом... с ящером. Я заснул, но как бы попал в другую реальность, в ещё более страшное – каких-то двух детей закатывали асфальтовым катком, потом машина засыпала их асфальтом... и каток закатал их ещё раз. То ли это был я сам, а не дети, но страшный был сон, словно и не сон. Утром я проснулся как бы другим человеком, под каким-то мостом на окраине, хотя как добирался туда, убей – не помню. Ничего не пил, поскольку денег не было всю дорогу.

Головин с детским интересом слушал рассказ, и Гера понял глубинную сущность Головина: «Он любит фантастические истории, желая в них верить, ему в этой обычной жизни скучно». Гера состоял сугубо из фантастических и странных историй – и понял, почему Бел послал его именно к этому человеку.

Головин не преминул расспросить Александра (Геру) про ящера, тот лишь сказал, что это был какой-то не местный ящер, «как бы импортный» или «с другого уровня», и что

Гера с ним не мог справиться, хотя всех других побеждал.

– Я никогда не предавал Христа, – сообщил Александр, случайно включившись.

Добряка на консерву

Целую ночь новые друзья пили водку и чифирь, «пробирая сознание», но были удивительно трезвы и мыслили ясно. Александр ходил, как по камере, по маленькой бытовке, наматывая мысли на ноги, как он привык на зоне, – «мыслить ногами и чифирем». К концу ночи Головину казалось, что они сидят друг с другом в этой камере от самого рождения и собираются осуществить побег.

– А ты не пробовал сбежать? – спросил Головин.

– А зачем... всё равно поймают. Я организовал на зоне столярку, зарабатывал деньги и имел свободы, которым многие тут позавидуют, спасал людей, отговаривая их от побега, и честно отсидел от звонка до звонка. Бежали придурки, которых ловили и добавляли срок или убивали в побеге – обычно те, с кем они бежали. Ты знаешь, что в побег часто берут «консерву», кого намечено съесть, – плотного, глупого добряка, который несёт себя сам? Можно, я тебя буду называть Добряк? – Александр смотрел на нового друга оценивающе.

– Не слышал, – ответил Головин новому другу, – пойду-ка я спать.

Головин пошёл в свой номер, а Александр лёг в сторожке.

Спассти детей

Головину снился большой корабль, скорее даже – здание на берегу, похожее на его завод, которое рушилось. Стены из шлакоблоков падали в воду. Стены рушились прямо на детей, а Головин нырял и спасал их, но детей было так много, что его обуюло отчаянье. Вместе с ним возникла его жена, которая также спасала детей, но спасателей не хватало, дети тонули. Головин закричал во сне так сильно, что проснулся сторож, который после трёх утра обычно дрых беспробудно до самой пересмены.

Миссия

Головин проснулся в 11 утра с удивительно чистой головой и понял, что новый друг стал для него основной темой дня и ночи, заданием, без которого его практическая жизнь была лишена смысла. Он осознал, что ему принесли задание, которое вкратце значило «*спасать детей*», – каких детей и от кого, ещё было ему непонятно. Но Головин, всегда мыслящий глобально, был склонен думать, что «всех» и «ото всего», и в нетерпении ждал пробуждения Александра для дальнейшего понимания своей миссии.

15. РАБОТА ХЕТТИ

Горин, уходя от Баала, ругнулся: сколько ещё заданий в голове этого человека, и почему ему не живётся спокойно? Подумав ещё минуту, он успокоился, понимая, что так же жадно хочет эту Землю, как и Баал, и полетел к Хетти.

– Ты ещё не спишь, девочка? – спросил он на взлёте. Хетти работала над Сарай, и эта работа надолго, Горин знал это, но от усталости не сообразил, что бы ещё спросить. – Нет? Я лечу, не засыпай.

– Хорошо, мой принц, – ответила Хетти устало. В её сегодняшнем плане была пересадка молодых органов Сарай, она уже начинала операцию. Рядом с Сарай на столе лежала молодая девица из дикарей, подключённая к аппаратам. Хетти подобрала её по многим параметрам соответствия – девица была крупная, как Сарай, лет шестнадцати, здоровая и красивая, и подходила по всем генетическим показателям, всё должно было получиться.

Разрез брюшины открыл всю анатомию девицы, сердце стучало, отбивая чёткий ритм. Хетти ассистировал Ури, тонкий как жердь и уже немолодой лысоватый хирург с вытянутым вперёд лицом и пальцами, похожими на паучьи лапы, – длинными, гибкими и тонкими. Они обсудили детали перед компьютером.

– Мы не будем менять сердце, оно у Сарай крепкое, за-

меним сегодня только печень и почки, нет... только печень, ты это сделаешь сам, Ури, ко мне летит Горин, придётся отчитываться, а к утру Сарай и девочка должны проснуться в привычных местах.

Хирург кивнул – и своими модифицированными руками быстро сделал пересадку. В дополнение, он полностью заменил Сарину кровь на молодую и осуществил ускоренное заживление тканей нанитами TZ985, введя их через капельницу и настроив им задачу с пульта в руке.

– Я закончил, Сарай будет чувствовать себя помолодшей завтра.

– Распорядись, чтобы тела развезли по домам, – напомни-ла Хетти, – вертолёт на подлёте.

Горин, обнимая Хетти, вспомнил о времени, когда они были вместе.

– Когда, Хетти? – спросил он, имея в виду секс.

– Завтра-послезавтра, я не хочу торопить события, чтобы всё получилось нормально. Завтра пересадка почек, послезавтра пересадим женское, и она будет готова к зачатию. Остальными органами можем заняться позже, ну плюс ещё неделю.

– Бел очень торопит.

– Я знаю, только я не буду спешить, можешь ему передать, мы и так торопимся, РА учил нас правильным вещам, таким как меРА, и я буду слушать Его.

– Я не уследил за Абгарь, куда она могла исчезнуть? –

спросил Горин.

– Спрошу у Сарай, где живут её родственники, – пообещала Хетти.

– Что с внедрением кода, который я дал вам?

– Код уже неделю как прошит, осталось проверить на ребёнке. Саму Сарай можешь тестировать хоть сейчас.

Горин остановил двух парней, которые уже везли Сарай из комнаты:

– Подождите минуту за дверью.

Включив Митру, Горин услышал код внутри Сарай и пожелал, взяв её за руку: «Ты проснёшься и почувствуешь себя радостной, ты захочешь Обрама через неделю, а он тебя, и вы будете любить друг друга, и у вас будет ребёнок, обещанный тебе Богом. И ты будешь благодарить Бога всю свою жизнь за это чудо».

– Не хочешь выпить? – сняв Митру, спросил Горин у Хетти.

– А почему бы и нет, – ответила она, снимая халат.

Они провели всю ночь вместе, лишь под утро заснув на полчаса.

16. УСПОКОЕНИЕ

Будильник разбудил всех спящих колонистов в 5 утра. Бел оделся и нагрянул к Философу:

– Гера, какие мысли?

– Сначала скажи, какие у тебя.

– Горин к приезду Преподобного организует Потоп.

– А это возможно?

– Да, мы растопим лёд на полюсах.

– Я плавать-то не умею! – жалобно прокаркал Гера.

– Мы погрузимся на дно, Преподобный увидит наше крушение и свалит восвояси.

– План вроде бы безупречный, а Врата?

– Врата разрушит Потоп, или мы сами завалим их техникой.

– Но как синхронизировать это во времени?

– Горин посчитает, скорость волны – доступная величина.

– Ну ты лучше всё знаешь, я с техникой не дружу, – ответил Философ успокоенным голосом. – Ведь можешь, когда припрёт! – похвалил он Бела, царственно положив руку ему на плечо.

– Да, – скромно ответил Бел, – пока твои консультации не нужны, отдыхай, бедолага, но думай дальше, я специально подгрузил тебя новыми данными.

– Я всегда думаю, – скромно ответил Философ, – профес-

сия у меня такая.

Бел взял электронный карандаш и стал писать текст, который заносился в файл; текст состоял из коротких бессвязных предложений:

«испытывающие усилия восхищают РА»,
«нагим я пришёл в этот мир, нагим и уйду»,
«не становись на путь нечестивых, пропадёшь»,
«кто роет яму другому, тот сам упадёт в неё».

Пописав немного цитаты из своего опыта или из известных пословиц, Бел соединился с Галой.

– Гала, ты можешь найти мне полный список пословиц и поговорок всех времён и народов, я кое-что сам собрал, – он клацнул по давно собираемому файлу, указав Галу в адресатах, и файл открылся на её рабочем столе.

– Хорошо, шеф, я найду такой перечень, сопоставлю с вашими цитатами и отберу то, что вписывается.

– Умничка, – похвалил Бел, – что со сценарием?

– Пишем, хотите ознакомиться?

– Нет, пока не до этого, работай, я буду завтра к вечеру у вас. После того, как отцедишь пословицы, отдай их визуализаторам, пусть создадут кратенькие трёхмерные истории. Всё. – Бел отключил связь. После этого тут же соединился снова:

– Привязка к местности, названия населенных пунктов по именам наших бригадиров, привязка цитат к ситуации

и характеру героя!

17. НОЧНАЯ РАЗБОРКА

В бригаде Грубера, состоящей из 178 человек, случился инцидент. Некто дикарь Оков вышел ночью из своего жилища незамеченным и, отойдя от своего жилища на приличное расстояние, наткнулся на солдата, который сидел в кустах по большой нужде. Солдат вскочил, Оков испугался его отчасти невидимой экипировки и начал бороться с ним, атакуя видимую часть бойца. Борьба затянулась. Несмотря на всю подготовку воина, здоровенный детина его одолевал.

Борьбе мешали спущенные штаны, рассекретившие интимную часть бойца. Кроме того, в штанах был нож – единственное оружие, которое боец не оставил на базе, нож запутался в приспущенной части штанины и никак не давался. Борьба, по словам сержанта, длилась не менее трёх часов (кто сейчас это может подтвердить?), крепкий Оков наподавал видимой части бойца и возбуждённо пыхтел как животное.

Уже теряя сознание, сержант достал нож и полоснул Окова по ноге, после чего тот взвыл, но не сдался, а предложил мировую: «Отстану после того, как ты благословишь меня!» – потребовал он.

На что Вадим согласился, спрятав своё сильно посилившее тело в штаны, стал целиком невидимым и благословил Окова возложением руки, слегка перемазанной его

собственным дерьмом, на голову подотчётного со словами: «Благословляю тебя, Оков, ты боролся с богом, отныне будешь побеждать и людей!»

Пересказывая эту историю, Грубер изрядно повеселил Бела, который потребовал срочно и подробно пересказать её и Гале для Книги: «Все живые истории передавайте писарчукам!»

18. ИНСТРУКТАЖ ГОРИНА

В голове у Бела крутилась мысль Геры – «*нам надо исчезнуть*», но даже организация потопа не давала такой возможности, корабль не может функционировать незаметно под толщей воды, его нужно будет выключить, а тогда и все системы жизнеобеспечения не будут работать.

Но корабль давал возможность исчезнуть на время, пока его поиски не станут работой спасательных экспедиций, или о них и вовсе забудут, как это частенько бывало в истории колоний. Нужно отсидеться, пока на Земле не угомонятся вода и новое оледенение, которое наверняка последует за потопом.

Бел всегда успевал запрыгнуть в последний вагон, рассчитывая успеть и в этот раз. Он соединился с Гориным:

– Ты мне говорил о ледниках, нужно растапливать не два, а только один полюс, только это даст разбалансировку планеты и достаточной степени катаклизм. Посчитай мне все сценарии, учти Врата, которые нужно уничтожить за час до затопления, учти всю технику, которую нужно сохранить для будущего, от всех других дел я тебя освобождаю, потому что расчёты придётся делать без помощников, я не хочу рассекретить план раньше времени. Закройся на неделю в бункере – и выдай мне сценарий, можешь взять себе шлюху из тех, к кому вы ходите с Сэтом, она все равно ничего не поймёт,

хотя если возьмёшь, пристрели её потом. «Откуда он знает про шлюх?» – удивился Горин, но ему стало легче – скрывать свои походы от него больше не нужно. «Стрелять собственных шлюх дело неразумное, – подумал Горин, – да и просто жалко девчат».

– Да, – добавил Бел, – подумай, куда можно поставить корабль, чтобы при отключении всего оборудования он бы стал незаметным, и кого мы на него возьмём, списком.

– И эту задачу вы валите на меня, шеф! – отказался Горин. – Это ваше дело – кого брать, как и ответственность за принятое решение.

– Напиши своё предложение, исходя из наших ограниченных возможностей, *а ответственность будет моя*, – отрезал Бел. – Где нам нужно стать, чтобы волна не убила нас, чтобы нас несло куда надо, и главное, чтобы из Врат нас не засекли. И ещё одно, – не отставал Бел, – прибрось время прибытия поискового отряда. Составь примерный сценарий нашего выживания и сохранения всего семенного материала Питомника хотя бы на 300 лет...

– Ага, – уныло ответил Горин, – задачка из первого класса.

– Ну иди уже! – попрощался Бел, словно это Горин грузил его.

– Стой, и совсем последнее, – Бел попытался ухватить ускользающую от него мысль, но отхватил только самый хвост, – рассчитай повреждения по континентам и скорость оледенения, возможно, нам где-то вовсе нельзя находиться

(Бел вытащил и всё тело мысли), и посмотри аборигенов и их качества. Возьми по парочке... десятков для размножения из каждой группы, это я уже не для тебя говорю, а чтобы не забыть, но ты всё записал, и раздай команды кому нужно, а потом уже работай, мне нужен весь генофонд планеты, кроме крупных ящеров, пусть попробуют выжить сами.

– Это всё? – спросил себя Бел. И ответил: – Пока всё.

Его разум начинал плавиться. Белу стало казаться, что он уже всё это говорил Горину. «Дежавю, нужно поспать», – решил он и заснул на 15 минут.

19. ПЕРВЫЕ СОМНЕНИЯ

– Ты должна расставлять приоритеты, Хетти.

– А я не могу, у меня с Гориным ничего не получается из-за вас. Вы всех перегружаете заданиями, потому что не хотите умирать, от этого ни у кого нет времени.

– Если бы ты была матерью, то понимала бы, что есть приоритеты, – сперва ребёнок, а уже после твои амуры.

– Но я не робот, – Хетти горько упрекнула Бела.

– Напротив, ты ведёшь себя как робот, и в данный момент зациклилась на мелочи, когда есть проблема твоего выживания, а значит – твоих возможных будущих отношений и твоего будущего ребёнка.

– Не троньте меня, – по-кошачьи грозно сказала Хетти, – иначе я сейчас взорвусь.

– Ты просто слабачка, – отпустил вожжи Бел, – ты слабачка, и тебя нужно пожалеть. Но ведь вчера ты была с ним, и всё было хорошо, чего же ты ещё желаешь, быть с ним в постели непрерывно? Ты не слышала про СадОМ? Там люди потеряли связь с Объективной Реальностью, им понадобилось всего 12 лет, чтобы превратиться в животных. Чего ты хочешь, Хетти? Может, мне отправить тебя назад, туда, откуда я тебя взял?

Хетти вроде бы всё поняла – и, склонив голову, молчала. Бел смягчился, словно и не было никакой напряжённости,

и поблагодарил её за Сарай:

– Ты делаешь всё правильно, девочка, недельный срок меня вполне устраивает. Кстати, ты можешь выбелить кожу туземцев? Им понадобится много кочевать, и я боюсь, что их будут принимать за чужаков в «белых» регионах, подумай над этим.

– Но они будут выглядеть слегка странно, как альбиносы.

– Ты что-нибудь придумаешь, – закончил Бел, уходя из клиники.

– Вы боитесь умереть! – обвиняюще сказала Гала.

– А ты не боишься? Ты хочешь, чтобы я достал пистолет и пристрелил тебя? – спокойно спросил Бел.

– Нет, – испугалась Гала.

– Тогда работай, РА восхищаются предпринимающие усилия. И никто не попадёт к нему просто так, за красивые глазки, – Бел снял её очки, стёр слезу с глаз и поцеловал по-отечески.

– Я не могу каждому из вас объяснять, чего я хочу, на это уйдет слишком много времени. Если бы я хотел быть настолько убедительным, то стал бы писателем, как вы, а не тем, кто создаёт саму жизнь. Это ваша задача быть убедительными, и я требую от вас этого.

Бел переключился на работу:

– Мне не нравятся названия местностей и поселений, нужно подобрать их, исходя из языка аборигенов, тут пусть по-

работают программисты, выберите звучные слова, нужна музыка, кроме логики, наймите специалиста, или сами разберитесь. Где пословицы, ты отсеяла ненужное, Гала?

– Да, но я оставила и то, что вызывает сомнение – нужно или нет?

– У тебя верный математический нюх, так и должно быть, наша история большая, пусть будет лишний строительный материал. Ты воин, Гала, вы все воины, и – возможно, впервые в истории – воюете за себя, а не за царя, правителя или клан, к которому вы не имеете никакого отношения, где вас используют лишь как расходный материал. И у вас... у всех нас, и у меня с вами, есть только две возможности – *победить и выжить... и жить вечно; или умереть*, другого не дано. И отвечать на этот вопрос нам лишь пару месяцев, – сказал Бел всему цеху литераторов, понимая, что возьмёт только Галу.

Небог

И уже наедине с Галой Бел продолжил:

– Гала, мне нужна некоторая бинарная логика всей истории – «да» и «нет», не «да» и не «нет», ты ведь училась на программиста... Так вот, мне нужен логический персонаж, который олицетворяет «нет», является «нет», как бы «не Бог». Придумай ему имя и создай как можно более выпуклый образ *противоположности Бога*. Эта задача из всех

самая главная, она должна постоянно присутствовать в твоей голове как молитва, и, по сути, участвовать, видимо или невидимо, в каждой истории в виде слабости, сомнения, предательства и тому подобного. Поработай с Лайерсом, он тебе подскажет все комбинации с «да-нет». – Бел показал на программиста. – «Небог» будет иметь свой голос в нашей истории, противясь решениям Бога. Это будет хорошим стимулом, чтобы заставить людей идти в нашу сторону от противного. *Что ты знаешь о Боге, если ты никого не предавал?*

– Горин, – соединился Бел с затворником, – как ты думаешь, что было раньше – Бог или математика?

– Я не знаю, – честно ответил Горин, – но вопрос занятный.

– И ещё – почему «математика» так похожа на русское «мать-и-мачеха»?

– Я подумаю и над этим, что-то ещё?

– Нет, это всё, – закончил разговор Бел.

«Он никогда не говорит впустую», – подумал Горин, с нежностью вспоминая свою мачеху, и записал эти вопросы себе в память:

«Мать – рождение. Мать – любит по-настоящему, мачеха не родная – может любить, может не любить, но не родная, мать любит своё, мачеха не своё, мать через детей продолжает жить сама, мачеха растит чужих, мачеха поливает чужое растение...» Горин думал потоком сознания, переби-

рая варианты. «Забота, которая может перерасти в любовь, но любовь должна всё понимать, а мачеха всего не понимает, поскольку другое растение, следовательно, не может любить так, как мать, а если понимает, значит, она мачеха от Бога. А мать, которая подбрасывает своего ребёнка, – кукушка. Чтобы полюбить кого-то по-настоящему, нужно уместить его в себя, *мы больше любим меньших нас – детей, животных, баб, а большего нас нам полюбить не дано, разве что сравнившись с ним, а затем став больше него*, как это смог РА, рожденный раньше родивших его, полюбить весь мир».

Бел снова соединился с Гориным:

– Как ты думаешь, что сделает РА-з-ум, как только родится, первым делом? И последний вопрос – «все ли существа хотят жить?»»

– Шеф, у меня голова вскипает, – взмолился Горин.

– Не вскипит, если хочешь выжить, – закончил Бел.

Бел летел к царю Салима. «И-Е-РУС-Алим, ие-РУС-Салим...» – вспоминал Бел, почему они так называли этот город. Пора менять тело. Тысячетонные камни фундамента, такая же монументальная стройка, как и в горном Ливане, те же технологии. Они встретились на стройплощадке, и Малхиседек долго молча смотрел на Бела испытующе, а тот не имел силы начать разговор первым.

– Постарел, – наконец произнёс Малхиседек, благословляя Бела.

– Устал что-то в последнее время, – ответил Бел.

Малхиседек сканировал его своими проникающими внутрь любого существа и любой проблемы глазами. Он был мал ростом, но казался Белу выше всех людей. Бел понимал его *неизмеримое превосходство* и не мог объяснить его ничем, кроме связи Малхиседека с Богом, с РА или кем-то ещё выше уровнем.

Бел относился к Малхиседеку с большей почтительностью, чем относился к РА. Малхиседек был ещё и красив, как человек и как священник, и душа его отражалась в глазах такой красоты и глубины, что хотелось смотреть в них всегда, если бы удалось выдержать взор полный любви, такой любви, которая прожигает тебя, выворачивая все внутренности, показывает каждую твою неточность и несправедливость. Бел не мог смотреть даже на изображение Малхиседека долго, тот был особенным явлением в земном мире, и во всех иных мирах, единичным экземпляром, роскошь общения с которым у Бела пока ещё была.

– Скоро прибудет Преподобный с инспекцией, – сообщил Бел Малхиседеку.

– А от меня чего хочешь? – строго спросил Малхиседек, показывая Белу неуместность темы. – Я же говорил тебе, и не раз, что это твоё дело, я тут не советчик.

– Я хочу построить на этой Земле правила, основанные на Истине.

– И об этом я тебе говорил, – напомнил Малхиседек уже

несколько мягче. – Любые правила, которые создашь ты, не улучшат правил, которые создал Бог. Ты встал на сложный путь, помочь тебе советом – значит стать тобой, а я этого не хочу, имея доверие к Богу. У меня есть молитва за этот мир, дело, которое меня устраивает, а потерять её для меня означает – потерять себя. *Ты боишься смерти, я понимаю этот страх, ты не доверяешь Богу, желая получить особенную роль и написать свою собственную историю...* Строй что угодно, развитие мысли не остановить, не ты, так другие построят то, что просится в ум. Ты хочешь благословения, я тебе уже давал его, помни всегда, *в чём*. Детали твоего творчества – твоя ответственность, не возлагай её на меня, но и не бойся особенно: *ничего из того, что действительно нельзя построить, ты и не построишь.*

– Благослови не согрешить перед Истиной, – чувствуя окончание разговора, попросил Бел.

Царь Салима положил руку на голову Бела и кратко отпустил:

– Иди и не греши.

– Я бы хотел взять тебя с собой, – наконец решился Бел перейти к сути своей поездки.

– Мне твой огород не нужен, – ответил Малхиседек, как бы ответил гром. Бел нагнулся, чтобы поцеловать руку старца, и пошёл к вертолёту, всем телом испытывая трепет. «Три человека сегодня сказали мне о том, что я боюсь смерти», – подумал Бел устало, уже сомневаясь в самом себе,

в правильном выборе пути.

20. ВОСКРЕШЕНИЕ ГОЛОВИНА

Головин ожидал пробуждения Александра и новых данных. Свойством Головина был голод к существенной информации, лет пять назад он был подведен к старцу Серафиму, который поразил его нечеловеческой харизмой и недоступной для его понимания горящей верой. Головин восхитился старцем, шесть лет жил под его флагом, довольно часто наезжая в монастырь, благотворя церкви, помогая храму в честь царственных Страстотерпцев. Но полностью принять старца по причине его отдалённости, собственного малодушия и утопленности в семье и в работе Головин так и не смог.

Поэтому, впитав в себя всё, что было возможно, не отрываясь от дел и семьи, он отошёл от старца, иногда руководствуясь его советами, но назвать этот процесс обучением уже было невозможно. Сияние старца преследовало его на протяжении всей жизни, и он не мог приблизиться к нему, как и оторваться.

Головин словно стал небесным телом в его звездной системе, установив безопасное расстояние, потому что находиться рядом со старцем означало потерять самого себя и стать им, исполняя его функции, работая на него; а слиться с Солнцем Головин не был готов.

Полоса уныния началась у Головина после смерти отца: вдруг на него нахлынула отчаянная пустота, когда человек

не хочет сопротивляться и не понимает, зачем жить, — и ничего с этим поделать он не мог. Головин вдруг почувствовал себя умершим отцом физически. Он сидел на стуле, считая, что он — это его отец, он так же двигался и так же улыбался. Он как бы стал своим отцом, но потерял себя, это длилось уже шесть лет. Серафим был ещё дальше, чем обычно, а новых смыслов не появлялось. Головин всё чаще думал о смерти.

Но приход Александра всё изменил, и Головин воспринял его благословением, и ожидал пробуждения Александра, чтобы продолжить общение. Головин, как вычислил его свойство Александр, был очень падок на всё необычное любого свойства, будь оно хорошее или плохое, и про осторожность Головин в такие моменты забывал полностью. Интерес к Необычному был внедрённым качеством; если бы Головин знал об этом, то, возможно, предпринял бы меры в отношении Александра (Геры), но он не знал этого, и его состояние при соприкосновении с Необычным всегда напоминало юношескую влюблённость. Он вдруг оживал, как эфемерный цветок, получивший каплю влаги.

Новое общение состоялось ближе к ночи. Головин, вынужденный соответствовать правилам бизнеса, весь день занимался производством, пытаясь ускорить исполнение заказа, рабочие были медлительны, звонки из УКСа накаляли обстановку, к концу дня удалось отправить вдвое меньше обещанных окон, и ни одно из них не было установлено.

Для ускорения процесса не было денег, зарплата рабочим задерживалась три месяца, кредиты были истрачены, всё это очень напрягало Головина, уже отвыкшего быть наверху ситуации.

К вечеру, после того, как рабочие разошлись, Головин вместе с Александром шли в магазин. Александр подшучивал над Головиным, пытаясь привести его в чувство, что отчасти удалось в самом магазине, когда он стал приставать к продавщицам, а они, к большому удивлению Головина, мгновенно отозвались на его приколы, ожидая продолжения.

Александр (Гера) магически воздействовал на всех, из одних делая ярых сторонников, а других наполняя ненавистью. Из худого кошелька Головина Александру удалось выудить водку, колбасу, хлеб и рыбную консерву – Головин был жадноват, по причине избыточной ответственности, и на лишние траты не соглашался.

Обратная дорога сопровождалась снегом, что несколько умиротворило Головина. Танцующие под фонарями хлопья создавали музыку в его душе, ещё не отвыкшей от сказок, но музыка эта была почти безнадёжной.

– Напрягает работа? – спросил Александр.

– Да, есть немного, – тяжело вздохнул Головин.

– Так брось её, займись чем-то иным. Ты попал в колею, из которой нужно выйти, посмотреть со стороны и приколоться.

– Как это сделать, если я должен выполнить обязатель-

ства?

– Ты их и не выполнишь иначе, поверь мне, ты же мне сам говорил вчера, как учил менеджеров *пользоваться этим миром как своим складом, и это был царский подход*. И куда всё это исчезло?

– Да, было дело, но то была торговля, а сейчас я в производстве, я действительно увяз в этой трясине и выхода не вижу.

– Нет никакой разницы. Ты должен вылезти из своей норы, *все решения твоих проблем вне тебя*.

И снова всю ночь они пили водку и чифирь, пытаясь про-чистить мозги, потому что оба не знали, что делать. Александр понимал, что попал в ситуацию, в которой его решение – Головин, а Головин чувствовал, что должен получить какую-то логическую помощь от Александра. Полночи они говорили о детях, которых нужно спасти, о неправильном мире, который нужно изменить, Александр пытался вдохнуть в Головина уверенность, но тот не принимал её. Александр понял, что Головину мешает избыточная ответственность за семью и за предприятие.

– У тебя уже нет предприятия, ты банкрот, и ты слаб, чтобы защитить своё королевство, у тебя, скорее всего, нет и семьи, я должен посмотреть на твою жену, чтобы удостовериться в этом. Скорее всего, она тебе уже изменяет, и дети не простили тебя за твою отдалённость!

Головин чувствовал справедливость его слов: после смер-

ти отца его мир стал разваливаться, и он ничего не мог с этим сделать, он стал настолько слаб, что не мог принять ни одного самостоятельного решения, всё двигалось по инерции. Он чувствовал себя лишней деталью и в семье, и на предприятии, и мучился оттого, что неспособен ничего изменить. Только любовь к родным ещё как-то держала его, но и она, прерываемая частыми семейными ссорами, горела мелким дрожащим огоньком, не затухая по непонятным причинам.

– В тебе нет силы, ты вялый и слабый, ты похож на Россию, а должен быть – как твой Серафим, за которым толпами ходят люди, ища совета, ведь у тебя есть ум и возможности, ты же не беспаспортный бомж, как я!!! Ты не пользуешься своим ресурсом, как мшелоимец.

– Почему ты сам не получишь паспорт? – попытался отбиться Головин.

– Я не могу, нужно пройти много судов и потратить много денег, а таких, как я, не любят суды, я не готов к борьбе по их правилам, я получу паспорт по своим.

– Значит, мы оба слабаки, – подытожил Головин, не веря себе.

– Похоже на то, – странно-весело усмехнулся Александр, – но именно слабость и заставляет людей что-то с собой сделать, чтобы смочь. Будь всё не так, ты был бы средне-статистическим бизнесменом, а я – одним из миллионов тех, кто за копейки зарплаты пытается выжить, но у нас с тобой всё на грани жизни и смерти, это лучшее из всех состояний

для прорывов. И моя фамилия происходит из дворянского рода, я Галицкий, а ты помогал строить храм царским Мученикам.

– Знаю поручика Галицина, – сообщил Головин, затаив песню.

– Галицкий, – поправил Александр, сделав ударение на второй слог, – из другого рода.

Головин не заинтересовался (сочтя информацию разводящей) и рассказал, что сам обнаружил своё происхождение недавно и был очень удивлен.

– Отец мне всегда говорил, что его дед прислуживал в церкви, но оказалось, что он был священником, у него был до революции двухэтажный дом, семья из восьми детей, они играли на разных музыкальных инструментах. вероятно, отсюда моя тяга к богопознанию.

– Всё от отцов, – подтвердил Александр, – мой папая был профессором математики и калекой, ездил на коляске всю жизнь, а я всю жизнь таскал его на себе, и всю жизнь он мне пакостил, пытаясь научить хоть чему-то полезному. Я как-то увлекся электрогитарой, так он ломал мне усилитель раз десять, специально, пришлось научиться ремонтировать.

– Забавно, – оценил Головин, – у тебя был хороший отец. Мой меня ничему не учил, всё сидел и что-то изобретал днями и ночами, а сейчас я сам не могу отмазаться – придумал штук десять станков и приспособлений... по малолетству меня это не интересовало.

Впрочем, я ничему так и не научился по большому счёту: был программистом года полтора, но пришла перестройка, устроился директором филиала у друга, после размолвки с ним начал работать самостоятельно. С бартером у меня получалось неплохо, но только стал добиваться чего-то, как пришла налоговая полиция и начались суды. И только я научился защищаться, как меня амнистировали. Пришлось заниматься производством, но и тут, как только что-то освоишь, появляются друзья власти, которые умеют всё делать быстрее и лучше, переняв мой опыт, и всё по новой и по кругу. Бессмыслица. Я не успеваю учиться, потому что всё, чему я учусь, мгновенно устаревает.

– Нужно заняться общественной деятельностью, – порекомендовал Александр, – я на зоне организовал «общество Духовного Развития», получил под него деньги, организовал за них столярку, и всё пошло по прямой, нужно начинать с правильного начала, с поддержки своих начинаний, иначе будет, как у тебя, – *будешь строить уже плывущий корабль, латая дыры на плаву.*

– А что за общество? – поинтересовался Головин. – Христианское? Православное?

– Общество харизматов, других вариантов не было.

– Не слышал о таком. Меня как-то пытался окучить один харизматичный свидетель Иеговы с Западной Украины, но, имея Серафима образцом веры, я на такую мелочь не ведусь. Хотя и веры у меня почти не осталось, но эталон веры у ме-

ня образцовый... постой (дошло до Алексея), ты говорил, что фамилия твоя – Галицкий? – Алексей сделал ударение на первый слог.

– Да.

– Значит, Даниил Галицкий тебе родня?

– По бабушке. Как-то раз, когда я был ещё ребёнком, она, уронив кувшин с молоком, обмолвилась об этом. Кувшин с молоком, как сейчас понимаю, она разбила не случайно, потому что тогда это была большая потеря, а для того, чтобы я запомнил её слова. Причитала потом полчаса. И тут же рассказала о своём отце, дворянине Галицком, который служил в царские времена в Грузии, был то ли полковником, то ли генералом. За дворянами в советские времена велась большая охота, вот и я угодил за решётку наверняка не случайно, меня подставили.

– Почему нет наколок? – спросил Головин, сомневаясь в истории отсидки.

– Я понимал, что когда-нибудь выйду и нужно будет жить среди нормальных людей, вот и берег себя. Князь Галицкий в наколках – это круто?

– Ну разве что если будет надпись: «король всея Руси», особенно на зоне, полагаю.

– Ты не лишен чувства юмора, – удивился Галицкий. – Давай выпьем за нашу встречу, ведь недаром я шёл неизвестно куда тысячу километров, а пришёл именно к тебе. Кстати говоря, король всея Руси был он, первый и единственный,

других не было.

– Вот именно что «не было», хотя, не так давно читая Ка-рамзина, я заметил, как тот восхищается Даниилом и его смелыми попытками утвердить свою власть, восхищается гораздо больше, чем Невским, который избрал осторожную политику мытаря при своём же народе. Но как показала жизнь, ни то, ни другое не сработало: хазарская орда и поныне правит русским миром.

«А ведь он не настолько глуп, и похоже, честолюбив, – убеждал Гера Александра, который был уже готов отказаться от Головина, чтобы найти кого-то покрупнее, – ему не хватает философии и психологии, нужно поработать!»

Разговор остановился. Александр, наученный на зоне работать строго «от инициативы противника», ждал ход Головина.

– У меня из головы не идёт твой рассказ про Москву, похоже, времена наступили, ты ведь знаешь Апокалипсис? – спросил Головин после паузы.

– И Откровение, и Евангелие, и Библию, довольно неплохо. Успел почитать, когда сидел в одиночной камере, счастливейшие были времена.

– Похоже, эти времена уже наступают, – грустно произнес Головин, уже привыкший ожидать худшую сторону от всего.

– А-а-а, а-а-а-а, а-а-а-а! Мы проиграли! – вдруг заорал по-зэчьи Александр, но тут же переменялся. – Забей ты на горечь, Алексей Александрович, всё в этом мире зависит

от тебя, мы победим. Вот ты и я, мы два человека, я пришёл к тебе через всю Россию, идя невесть куда, а пришёл к тебе. Ты хотел прославления убиенного царя, а я из князей Галицких, что тут случайного, какова вероятность случая, и есть ли она вообще? Ты не находишь, что в этом событии больше поводов для радости, чем для грусти? Ты не находишь, что нужно понять смысл этой встречи, не наш смысл, а тех, кто организовал её нам? Понять, чего они хотят.

– Да насрать мне на то, чего они хотят! – устало ответил Алексей, не подумав, – его новая история только начиналась. «Если бы я был бомжом, который хочет пожить, я бы сочинил что-то подобное, чтобы войти в доверие», – подумал Головин и ответил:

– Вероятность случайного события нулевая, я не верю в случайности.

– Это напрасно, случайности бывают, всё контролировать невозможно, иначе жить будет совсем неинтересно; но в нашей встрече есть что-то, в чём нужно разобраться, и я уже знаю слово, которое нас объединило.

– За монархию! – предложил Головин.

«Молодец, катишь туда, куда надо», – молча похвалил Гера.

Александра интересовала эта «случайность» не меньше, чем Головина, и он решился на эксперимент:

– А давай-ка, друг император, напьёмся как скоты, так хочется забыть зону, пойдём возьмем ещё пару бутылок водки

и пива побольше!

Головина позабавило новое прозвище, и он согласился.

Александр решил «выпустить джина и пророка, которого почувствовал в себе» – и быстро накидался, наливая Головину понемногу. Александр отключил собственное сознание, отчего на поверхность вышел Гера, привыкший к пьянству своих аватаров тысячелетиями, потому что на других боги не давали ему денег, да и сам он любил выпить. Головин почувствовал приход другого существа и с трусливым любопытством поглядывал на бога, который вышел на связь.

– Ты не думал, Алёша, что Б. О. Г. – это аббревиатура? Б, точка, О, точка, Г, точка? – спросил Гера.

– Грешным делом было такое, – ответил Алексей, – а может, не было, но сейчас подумал.

– Ты можешь про себя сказать «Аз есмь»?

Головин задумался.

– Тебе не хватает знаний, ты не видишь общей картины, ты слишком доверчив. Почему ты мне, Александру, доверяешь? – Гера внимательно смотрел на Головина глазами пьяного бога.

– Я не целиком доверяю.

– Ты должен мне доверять, – сказал Гера, имея в виду самого себя, – ты должен доверять Богу. Вот ты слушаешь меня. Почему?

– Я думаю, что через тебя со мной говорит Бог, – честно ответил Головин.

Гера посмотрел сквозь глаза Александра своими длинными змеиными глазами, исполненными странной доброты, вызывающей непрестанное сомнение в Головине.

– Ты должен доверять мне, – сказал Гера, – все мои разводки всегда были добрыми, какими бы они ни казались вначале.

Головину стало страшно от его интонации, и от этого разговора, и от этих глаз.

– Ты должен понять, что я желаю тебе добра, – продолжал Гера.

– Когда я увидел Серафима в первый раз, он говорил подобным голосом, и первое, что он спросил меня, чей я сын? Я сдуру ответил: «Божий», он довольно усмехнулся и спросил ещё: «Божий или негожий?» Я ему ничего не ответил, потому что и сейчас этого не знаю.

– На тебя возлагают надежды, – ответил Гера голосом Серафима, – но ты их не оправдываешь, ты труслив и медлителен, ты как бы мёртв, хотя должен быть жив, почему ты мёртв?

– Я не знаю, я ничего не понимаю, – по-настоящему, как перед Богом, каялся Головин.

– Тебе, возможно, и не надо понимать, а только слушаться.

– Я никому не могу довериться полностью, – ответил Головин, – у меня проблема.

– Полностью и не надо, нужно всё проверять Христом, я

никогда не предавал Бога, всю мою двадцатилетнюю отсидку я был верен во всём. Сколько сторон у монеты?

– Три, – ответил Головин.

– Это минимум, а большинство людей видят только две. Я тебе могу объяснить весь мир на спичках. Ты живой, – Гера зажёл спичку. – Или мёртвый? – Гера потушил спичку. Головин сидел как школьник. – Ты любишь или нет? Кого и как сильно ты любишь? Что ты готов сделать, чтобы спасти их? Что ты готов отдать за их спасение? Ты видишь, в какой опасности твои ближние, твои дети, твой мир? Ты хочешь изменить его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.